

Игорь Ковальчук
Рыцарь-маг
Серия «Бастард», книга 2

<http://www.fenzin.org>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137582
Бастард: Рыцарь-маг: Лениздат; «Ленинград»; СПб.; 2005
ISBN 5-289-02240-6

Аннотация

Дик Уэбо, бастард Ричарда Львиное Сердце продолжает сражаться в крестовом походе, скрывая от окружающих свой магический дар. Его главный враг – не сарацины, а верховный жрец Сатаны, темный маг лорд Далхан, открывший на молодого рыцаря охоту.

Скрываясь от преследований темного культа, Дик Уэбо набирает собственную магическую мощь – но слишком медленно. Ему по мере сил своих помогают спутники – непутевый друид Трагерн и девушка со странным именем Серпиана, родившаяся в ином мире.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Ковальчук

Рыцарь-маг

ПРОЛОГ

Открытое море в ясную погоду – зрелище одновременно прекрасное и устрашающее. Корабль не более чем песчинка в бесконечном голубом просторе, отливающим густой зеленоватой бирюзой. Кажется – куда ни направишься, везде будет одно и то же. Но, и тревожась за собственную малость и уязвимость, понимаешь, что море и небо – воистину чудеснейшие произведения рук божественного живописца и ювелира, сравниться с ним в подборе оттенков не сможет никто.

Три дня, всего три дня спокойного плавания по лазурному складчатому плащу земли – и вот конец безмятежной красоте. На смену ей пришла красота грозная и смертоносная. Одна буря за другой, сперва слабые, затем сильнее. Меж ними случались один-два ясных дня, а то и больше, и под конец моряки поверили, что дальше все пойдет хорошо.

Разыгравшейся словно по мановению чудовищной длани бури никто не ждал, может, потому и не подготовились. Тягостные, пасмурные, почти безветренные утро и день, когда горизонт был занавешен кисеей дождя, но до корабля непогода не добиралась. Затем настал полный штиль, и тут с запада стали наползать черно-синие, густые, как кисель, тучи. Они собирались вместе, и синева медленно перешла в багрянец. Ошеломленная необычной картиной, девушка-змея любовалась потемневшим небом. Затишье было такое, что закладывало уши, и даже голоса и стук сапог по дереву стали глуше. Под сгустившимися тучами возник ветер, он завился тугой воронкой, напоенной водной пылью, и морская вода стала втягиваться в нее. Серпиана, очень плохо знающая море, не понимала, что происходит. Молодой рыцарь подошел к ней, обнял за талию и шепнул на ухо:

– Иди в трюм. И лучше тебе переодеться. Будешь вся мокрая.

– Ты еще боишься, что я утону? – спросила она, мягко улыбаясь. В ее улыбке была уверенность в собственной неуязвимости.

Дик размышлял недолго.

– С какой скоростью плавают змеи?

– Какое это имеет значение? – изумилась девушка.

– А ты подумай.

Красавица пожала плечами и, фыркнув, спустилась в трюм, признав его правоту – за уносимым бурей кораблем даже самая ловкая змея-оборотень не угонится.

Дик остался наверху. Он не считал себя моряком, умел управляться только с небольшим рыбацким шлюпом и в настоящую бурю еще никогда не попадал. Странное дело, бешенство стихий не внушало ему страха, наоборот – наполняло чувством восторга, преклонения перед могуществом Создателя. В такие минуты он в глубине души ощущал настоящую любовь – то ли к Богу, то ли к жизни, может быть, к земле, которая так прекрасна и величественна. Молодой воин стоял у самого борта, крепко держался за канаты и наслаждался.

Ветер рвал паруса, веревки и одежду, забрызгивал палубу мелкой водной пылью, так что скоро стало трудно дышать. Моряки торопились зарифить паруса, рыцари забирались под палубу, прибирали те вещи, которые могли быть смыты, пытались успокоить лошадей в трюме. Буря налетела стремительно, вырвала у моряков из рук один из парусов и унесла его прочь. Светлое полотнище изогнулось, словно птица, взмахнувшая крыльями. Волна смыла с корабля все, что не успели убрать, подбила под колени тех, кто не успел повернуться боком. Одежда промокла до нитки в один миг, но Дику не стало холодно или неприятно.

Он чувствовал себя совершенно счастливым даже тогда, когда налетающая волна била его в грудь с необычайной силой, когда брызги секли по лицу.

Корабль несло по волнам со скоростью, пугавшей не только воинов, но и бывалых моряков. Впрочем, большинству рыцарей не было никакого дела до происходящего – не привыкшие к качке, они страдали от морской болезни, извергая из луженых желудков то, что они имели неосторожность съесть на завтрак, ужин, и, кажется, даже то, что они и не думали съедать. Дик, попросту не знающий, что такое дурнота на море, единственный ничего не боялся. Он не разжимал рук и то и дело поглядывал на мельтешащих моряков, пытающихся поставить маленький треугольный парус. То, что почти все паруса были предусмотрительно зарифлены, не спасло их – неожиданно сильный ветер изорвал грубую парусину в клочья.

Корабль без парусов в бурю напоминал щепку, игрушку стихии, управлять им было невозможно. Конечно, существовали на свете фландрские когти, которые и в бурю были послушными, но от кормчего это требовало недюжинной силы. Время от времени на волне выше парусного корабля появлялась огромная галера, везшая будущую королеву Английскую, Беренгеру, невесту Ричарда I, и бывшую королеву Сицилийскую, Иоанну, его сестру, а также их свиту, по бортам корабля размеренно поднимались и опускались весла. Со стороны это выглядело просто, легко, на деле же страшно себе представить, какой стон и вой стоял под палубой и как проклинали гребцы все галеры, всех англичан и все бури на свете.

Пригибаясь под натиском ветра, из задраенного было люка, ведущего в трюм, вынырнула Серпиана и тут же вцепилась в какой-то канат. Плащ на ней промок в одно мгновение, но она не отступала, и Дик, боясь, что ее унесет в море, шагнул к ней и схватил за локоть.

– Что ты здесь делаешь? – закричал молодой рыцарь.

– Я лучше останусь здесь. У меня сильные руки, я удержусь.

– Внизу безопасней.

Огромная волна ударила с такой силой, что одна из досок фальшборта треснула, окатила людей с головой, кого-то смыла, но когда вода схлынула, Дик с облегчением убедился, что его спутница не поддавалась напору и сумела удержаться. Она посмотрела на молодого мужчину и ответила:

– Почему-то мне так не кажется. – Она сказала это не громко, но рыцарь услышал и не стал спорить.

Треугольный парус никак не удавалось поставить. Одного из моряков, взбравшегося на рею, смыло волной, и второй залезать отказался. В самом деле, держаться там было практически не за что. Пока препирались, прошло много времени, галера королев сперва пропала меж волнами, огромными, забеленными пеной, как английские меловые холмы, потом снова появилась, совсем рядом. Чтоб избежать столкновения, поворачивать пришлось именно гребному судну. Дику даже почудилось, что сквозь вой ветра и утробный рев бушующего моря до него донеслись раздраженные крики и щелканье кнутов. Иллюзия, конечно, ничего подобного он не мог услышать.

Серпиана перехватила руками туго натянутый канат, за который держалась, и прижалась к спутнику. Приобняв ее одной рукой, он удивился и испугался – такая она была холодная. Девушка наклонилась и крикнула Дику на ухо:

– Кажется, впереди земля.

– Ты видишь? – изумился он.

– Нет, я чувствую. Я чувствую землю. Впереди скалы.

В следующий миг молодой рыцарь понял, что хотела сказать девушка, и завопил:

– Впереди скалы! – Но голос его унес порыв ветра, и никто не услышал.

Дик безоговорочно поверил змее-оборотню, потому что понимал – он не может знать пределов ее возможностей, а в такую непогоду, когда не разглядеть даже носа корабля, наверное, магический дар может подсказать больше. Его опыта было недостаточно, чтоб прове-

ритель, соответствует ли сказанное действительности. Он отстранил девушку и попытался, перебирая руками по натянутому канату, пробраться туда, где, по его расчетам, должен был находиться капитан или хотя бы кто-нибудь из старших матросов.

– Рифы! – вдруг пронзительно завопил кто-то, да так, что услышали все на корабле. – Рифы! Нас несет на скалы!

«Ну и голосина, – с уважением подумал молодой рыцарь. – Мне до него далеко».

А в следующий момент налетела волна, и когда холодная соленая вода схлынула, оказалось, что Серпиана больше не держится за канат. Нигде на палубе ее также не было. Не раздумывая, Дик перепрыгнул через фальшборт.

Он замечательно плавал, но во время бури, случается, гибнут даже рыбы. Те водоемы, которые он с легкостью переплывал еще мальчишкой, могли быть и холодными, и стремительными, но даже обжигающе ледяные потоки подводных ключей не пугали его: на случай судороги он всегда имел при себе бронзовую булавку, один укол – и все в порядке. В детстве ему случалось кувиркаться в волнах океана даже при небольшом волнении, но не в бурю. В какие-то минуты он переставал понимать, где вода, а где воздух, все смешивалось, и тогда особенно долго приходилось задерживать дыхание, потому что глотнуть водяной пыли – все равно, что вобрать в легкие воды.

Лишь в следующий после прыжка миг молодой рыцарь вспомнил, что, пожалуй, змея значительно лучше будет чувствовать себя в воде, чем он, и вряд ли ему удастся, если что, спасти свою возлюбленную в облике гигантского удава. Но было уже поздно. Корабль скрылся из виду.

Потом он подумал, что, если поблизости скалы, значит, и берег недалек. Нужно было только продержаться на плаву и не захлебнуться. Надежда питает человека до самого последнего мига его жизни. Он изо всех сил работал руками и ногами, следя за тем, чтоб не сбиться с ритма, в котором волны поднимались и опускались. Самое страшное – испугаться и запаниковать. В такой ситуации свои движения невозможно контролировать разумом, человек начинает биться в воде, беспорядочно махать руками, судорожно хватать ртом воздух – и в легкие проникает вода. Однажды Дик едва не утонул, он до сих пор помнил обжигающую боль, наполнявшую его тело при каждом вдохе. Тогда ему казалось, что он дышит не воздухом, а раскаленным металлом.

Воспоминание об опыте детства почему-то успокоили его. Он представил себя рыбой, юркой, непотопляемой и такой же хладнокровной. Сравнение очень помогло ему. По крайней мере, была надежда продержаться, пока, может быть, под руку не подвернется что-нибудь плавучее. Он взлетал на вершины крутых водных холмов, втягивал воздух и позволял морю утянуть себя в глубину, потому что знал – это ненадолго. Потом его снова вытолкнет, и он успеет вдохнуть.

Вдруг что-то холодное коснулось его плеча, и молодой рыцарь увидел рядом мокрую черную чешую. Правда, лишь на мгновение, пока змея не пропала в воде, потом снова появилась и опять пропала. На короткий миг над пеной и зелеными гребнями поднялась плоская, удлиненная голова с равнодушными желтыми глазами, прикрытыми тонкой пленкой, с длинным раздвоенным языком, показывающимся, трепеща, в щели приоткрывшегося рта. Если бы что-то подобное с ним случилось год назад, он, наверное, от испуга тут же ушел бы под воду, но теперь, хоть сердце екнуло, удержался от паники. Голова исчезла, потом снова появилась, и под сильно загребающую правую руку подсунулось веретенообразное змеиное тело.

Оказалось, что этот прекрасно плавающий удав – отличная опора для утопающего. Дику показалось, что он оперся о незыблемую скалу, и сразу сознание, все же несколько взбудораженное, успокоилось: он убедился, что не может быть ничего страшного в этом бурном море. Хоть двадцать штормов – если есть такая опора для руки, все в порядке. Дик перестал загребать руками и обнял змею, чтоб удобнее было держаться.

Сперва Серпиана рассекала волны, как хороший парусный корабль, но потом вспомнила о спутнике, которому при такой скорости удавалось вдохнуть полной грудью лишь в редкие мгновения. Она поплыла медленнее, и Дик подтянулся выше, впервые с того момента, как прыгнул за борт, задышав более-менее свободно. Водяной пыли стало поменьше, и воин разглядел галеру, переваливающуюся с волны на волну, как грузная женщина. Корабль шел довольно далеко, но раз его видно, значит, нетрудно будет доплыть.

– Плыви к галере! – крикнул молодой рыцарь.

Неизвестно, слышала ли змея, поняла ли, направление движения ее не изменилось, но галера стала приближаться. Глаза залепляло пеной, и когда Дик извернулся и протер лицо, галера оказалась совсем рядом, казалось, прямо над их головой вздымались весла. Дик отпустил змею и крикнул ей:

– Превращайся.

Черное чешуйчатое тело описало вокруг мужчины круг, нырнуло, и рядом с ним появилась мокрая девушка, холодная, как и вода вокруг. Она обняла молодого рыцаря руками, он обхватил ее и только тогда стал кричать и махать руками. Приближаться к галере с борта он боялся: удар тяжеленного весла, которым ворочали сразу двое сильных гребцов, без труда мог разmozжить голову. Когда ряд вздымающихся весел закончился, Дик изо всех сил рванулся к борту.

Его заметили и раньше, грести стали медленнее и с кормы в воду бросили длинный канат. Бросили умело, так что бухта растянулась во всю длину. До момента, когда пенька набрякнет и начнет тонуть, оставалось какое-то время, и оба торопились скорее добраться до веревки. Серпиана плыла сама и первой уцепилась за канат, подала руку спутнику. Она чувствовала себя в воде как рыба.

Их тянули на борт медленно, видимо, считая, что пловцы обессилели и не смогут без помощи держаться на поверхности. Дик сильно работал ногами, одной рукой обняв Серпиану, и когда их подтянули на корму, все выглядело так, словно именно он спасал ее и именно она обессилена. Забравшись на галеру, Дик уложил Серпиану на палубу и посмотрел на тех, кто столпился вокруг.

– Теплый плащ? – спросил кто-то.

– Да, – сказал молодой рыцарь. Вернее, попытался сказать. При попытке выдавить из себя какой-либо звук нутро обожгло огнем, и мужчина, давась воздухом, повалился набок. Он так и не понял, насколько устал и как изрядно наглотался воды.

Глава 1

Кипр – прекрасный остров, изобилующий равнинами и долинами, с невысокими, но скалистыми горами, поросшими лесом, он покрыт олеандровыми и тамарисковыми зарослями, кустами фриганы и марквиса, оливковыми и апельсиновыми рощами. Остров этот когда-то был посвящен языческой богине Греции Афродите, и, несомненно, богиня красоты не случайно выбрала именно его. Долины Кипра уютны и прекрасны, в зарослях густой свежей зелени прячутся хрустальные ключи, холодные до ломоты в зубах, и крестьяне верят, что, если умыться водой из такого ключа, милость богини будет с тобой. Языческие традиции и поверья все еще были живы, хотя на Кипре давно уже было множество церквей и монастырей. Древние мифы и новая вера мирно уживались рядом.

Крестьяне обрабатывали землю чуть ли не круглый год, пасли скот, собирали виноград и фрукты, делали отличные вина, давили оливковое масло. Даже зимой земля готова была давать урожай. Остров был богат, красив и знаменит, там останавливались купцы, и не один город богател от торговли Запада с Востоком, Севера с Югом. Прежде Кипр принадлежал Византийской империи и приносил ей немалый доход. Но потом здесь поселился внучатый племянник императора Мануила Исаак, гордившийся тем, что имеет право называть себя Комнином, как сам базилевс. Наверное, это и придавало ему смелости, когда он отдавал приказы завернуть транспорт с данью, предназначенной Мануилу, и наблюдал за тем, как чиновников-византийцев развешивают на столетних дубах.

Местным жителям такие порядки понравились. Оно и понятно: нет для крестьянина наслаждения большего, чем посмотреть, как корчится в агонии представитель власти, которого он больше всего ненавидит, – сборщик податей. Крестьянин наивен, он не думает о том, что смерть одного сборщика вовсе не означает, что налоги собирать больше не будут. Наоборот, на место одного мытаря непременно придет другой и еще злее будет выколачивать деньги, используя свою власть, такую недолгую, такую шаткую.

Восстание было поднято, и император, сумевший отправить против обнаглевшего родственника только семьдесят кораблей с воинами, потерпел поражение. Для Византии настали тяжелые времена, когда золото, которым владели базилевсы, уже ничего не решало. Земля горела под ногами государей в расшитых золотом и драгоценными камнями одеждах, их божественное происхождение не могло дать им даже уверенности в завтрашнем дне. И не нужен был русский воевода Олег или князь Владимир, чтоб заставить задрожать высокие каменные стены Константинополя – хватало родичей правителя.

Отделился от государства один остров, откололась от единого патриархата Церковь: должно быть, кипрскому епископу лестно было возложить на себя митру патриарха, а потом в благодарность провозгласить Исаака Комнина императором Кипра. Наверное, это возвышало его в собственных глазах, хотя абсурдность ситуации была очевидна всем. Какой император? Какой патриарх? Все равно что на островке посреди дельты реки, где поместится лишь один человек, где приживется только маленький кустик тамариска, учреждать епископат.

Но – законно или нет – новоявленный государь Комнин правил на Кипре шестой год. Он был не хуже всех других государей, злоупотреблял властью не больше остальных, подати не уменьшились, даже немного увеличились – на содержание войска, на постройку укреплений. Но одно дело – роптать на базилевса (где он там – не видать), а другое – на императора, который рядом. Боязно. Государь Исаак был строг и суров, на деревьях развешивал без колебаний, так что проще было молчать и платить.

Больше всего новоявленный «священный император Кипра» не терпел франков. Его можно было понять. Он был еще ребенком, когда рыцари разграбили окрестности Констан-

тинополя, в очередной раз доказывая, что все возвышенные призывы к освобождению христианской святыни – ничто. Не зря местные крестьяне, даже те, кто аккуратно ходил к мессе, изумлялись и не понимали, зачем нужно от кого-то освобождать Гроб Господень. «Господу, наверное, все равно, – говорили они. – Ведь Он там даже не лежит». Конечно, хорошо было бы, если б паломники имели возможность поклониться святыне, но, во-первых, дельному работнику некогда тащиться куда-то на край света молиться над камнями, а во-вторых, можно подумать, до Иерусалима, находящегося под властью франкского короля, так легко добраться. Там плати, здесь плати – никаких денег не хватит на подати и налоги.

А вот если вспомнить, с каким жаром французские, германские и английские рыцари грабили всех, кто попадался на их пути, становилось понятно, зачем кому-то понадобилась пещера, заваленная грудой камней, некогда скрывшей бездыханное тело самого великого проповедника в истории человечества. Не стоило забывать и о торговых путях, проходящих через Палестину, о богатейших торговых городах побережья, о шелке, пряностях и золоте, о жемчуге и слоновой кости и, разумеется, об изобильных землях, с которых можно было собрать не один и не два, а три-четыре богатых урожая пшеницы.

Исаак Комнин не желал отдавать ни пяди своей земли.

Корабли франков одним своим видом внушали ему тревогу. Он уверял себя, что рыцари, несущие крест на своих плащах, конечно же, захотят укрепиться на Кипре, создать здесь одну-две перевалочные базы, а потом расползутся, как жирное пятно по ткани, и их, словно мышей, будет уже не вывести. Значит, нельзя позволять им даже приближаться к острову. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Самое главное – большие поборы; как известно, то, что обложено деньгами, убывает. Император назначил очень высокие налоги на те товары, которые купцы везли с запада на восток, для своих соотечественников, одновременно создавая для франков трудности и пополняя свой карман.

В последнее время он склонялся к мысли, что даже огромные налоги – далеко не все. Известно всем: дай только франкам зацепиться где-нибудь одним пальцем – через десяток лет тебе самому уже негде будет поставить ногу. Раздраженный, император подписал указ, и теперь любому кораблю рыцарей, несущих в Палестину крест, было запрещено входить в какой-либо из кипрских портов. На деле, конечно, купцы все равно заходили в гавани, запасались там пресной водой и провизией, но теперь большие деньги текли уже не в казну, а в карманы чиновников или рыбацких старшин. Их наказывали, но правитель, издающий дурацкий закон, не в состоянии убить в людях желание жить, и жить хорошо.

После бури, как водится, утро разлило по побережью безупречное сияние дочиста умытого солнца и ясно-синего неба. И император, утром побаловавший себя молодым местным вином и отлично приготовленной рыбой, находился в прекрасном расположении духа до тех пор, пока ему не сообщили о том, что в прибрежных водах Лимассола бросила якорь большая галера, прежде нарядная, теперь же изрядно потрепанная и требующая ремонта, и под очень знакомым, мокрым, похожим на тряпку флагом. На своего секретаря, Василия Калигита, природного византийца, служившего ему еще тогда, когда оба они были безвестными и малозначительными свитскими константинопольского базилевса, он взглянул с недовольством и недоверием. Секретарь, облаченный в длинный, метущий землю византийский плащ с золотой каймой, держался сдержанно, почтительно и молчаливо, как настоящий императорский придворный.

– Что на флаге? – нахмурившись, спросил Исаак Комнин. – Лилии? Или орел?

– Львы, ваше императорское величество, – почтительно ответил секретарь.

– Львы? Англичане? – Он помрачнел еще больше. – И много ли кораблей?

– Только один, ваше императорское величество. Правда, насколько поняли наши чиновники, сперва корабля было три. Два разбились о скалы, ваше императорское величество.

– Вот и хорошо. Все моряки погибли?
– Нет, ваше императорское величество. Многие спаслись, и их приютили рыбаки.
– Так. Нечего франкам шляться по моему острову. Их только пусти. – Исаак выпятил губы. – Собрать их в Лимассоле. Всех. И под надзор.
– Но, ваше императорское величество...
– Пожалуй, лучше будет их посадить под замок, а затем уже разбираться с тем, кто они и откуда.
– Ваше императорское ве...
– Достаточно! Короче!
– Государь, эти люди не нарушили никакого закона. Подобные действия против подданных английского короля могут быть восприняты как повод для нападения. Говорят, король Ричард Английский...

– Мне нет дела до Ричарда Английского. У него слишком много дел в Палестине. Ему будет не до Кипра. И я постараюсь, чтоб ему и дальше не было никакого дела до моего острова. Исполняйте приказ.

Он подождал, пока секретарь и офицеры покинут его покои, встал и подошел к сводчатому проходу на открытую галерею. Фасад лимассольского замка и окна покоев императора были обращены к морю, после шторма слуги выставили все оконные рамы, и ветер свободно гулял по переходам и залам. Он нес дивный запах моря и цветущих вишен и яблонь, скоро должно было наступить время жасмина, и тогда двор окутают ароматы, напоминающие самые дорогие благовония и притирания, привозимые с Востока. Императору это все не слишком нравилось, но он любил свой Кипр и, кроме того, считался с мнением жены, потому не мешал ей превращать двор замка в сад.

Пришел слуга и передал просьбу императрицы пожаловать к столу, но император отмахнулся, заявив, что пообедаёт один. Несмотря на внешнее равнодушие, он был по-настоящему встревожен. Не важно, что в бухте разбились два парусных английских корабля, – дело обычное. Но вот галера. Торговцы не ходили на галерах, это боевой корабль, способный поднять сразу много воинов и даже лошадей. Галера под английским флагом. Ее несло бурей, потому она и одна. Означает ли это, что англичанам вздумалось захватить Кипр? Совершенно бессмысленное желание, но от англичан всего можно ожидать...

Хотя, пожалуй, не так уж и бессмысленна эта попытка. На Кипре можно разместить войска франков, и тогда взять Иерусалим станет намного легче. Снабжение войск тоже перестанет быть проблемой.

Он так и думал. Все ясно. Если окажется, что это не просто случайный торговец, почему-то сопровождаемый галерой, то все станет очевидно. Ричарду Английскому понадобится Кипр? Посмотрим. Он слишком самоуверен, у него не так много войск, чтоб захватить целый остров с налету. А там, глядишь, вступят в дело войска Саладина, не зря же с ним заключен взаимовыгодный договор. Султан, конечно, предпочтет расправляться с врагами поодиночке. Сперва с Филиппом Августом, пока Ричард будет занят на Кипре, а потом и с самим Англичанином. Саладину необходимо ликвидировать угрозу, которую представляют собой франки, он будет только рад, если все так обернется. А благодарность султана императору не повредит. Не так ли?

Исаак Комнин немедленно пришел в наилучшее расположение духа и спустился в трапезную.

Моряки и рыцари с погибших кораблей в большинстве своем сумели достичь берега, тем более что берега были довольно пологи, а рифы, на которых разбились парусники, остались позади. словно зубы в чьей-то старой челюсти, камни и целые скалы, так и не сглаженные волнами, щерились на изрядном расстоянии от берега, защищая бухту неизвестно от кого или от чего. О том, что в этих скальных образованиях есть довольно широкий проход,

английские моряки знать, конечно, не могли. Но даже если бы и знали, вряд ли смогли бы найти путь во время шторма. Даже близости острова они не заметили, и винить их за это не стоило.

Когда Дик исчез с корабля, Трагерн сперва испугался, но потом вспомнил, что обладает даром чувствовать окружающий мир, и сосредоточился. Корабль тряхнуло, молодой друид полетел на палубу, крепко ударился и решил, что проще будет воспользоваться своим посохом. Он вызвал его и прижал ладонью, чтоб не унесло волной. Спокойствие и сила, теплом прихлынувшая к нему через руку, убедили его, что и с Диком, и с его странной спутницей все в порядке. А потом раздался треск, корабль резко накренился, и Трагерн полетел за борт, не удержав в руке свой друидический артефакт.

Он плохо плавал, но утопить друида так же трудно, как заставить его заблудиться в лесу. Конечно, море – не лес, но это тоже мир, который друид чувствует всем своим существом. Молодой ученик видел опасные камни, не глазами, конечно, и легко избежал гибели. Море долго швыряло его, валяло по волнам, наконец выкинуло на песчаный берег, напоследок окатив водой пополам с пеной.

Он был далеко не единственным спасшимся.

Рыбачьи деревушки населены людьми, для которых море и все, что оно дает – естественно и привычно. Корабли гибнут на рифах с тех пор, как был построен первый из них, и всегда случается так, что с них спасаются люди. Принять пострадавшего, обогреть его, накормить и напоить, хоть как-то помочь добраться до ближайшего города – долг любого прибрежного жителя. Разумеется, бури приносят не только обузу в виде потерпевших крушение, но и добычу, ведь морю ящики и бочки ни к чему, равно и их содержимое. Что ж, обмен взаимовыгоден, моряки получают заботу и помощь, а местные жители – добычу, и все остаются довольны.

Традиция не была нарушена и на этот раз, хотя путешественники и рыбаки говорили на разных языках. Да им и незачем было общаться. Легко понять, что нужно потерпевшему – еда, питье, теплая одежда, ночлег. Всех моряков и рыцарей разобрали по домам, и хоть им пришлось спать на полу, в грязи и вони, никто не жаловался. Главное – все выжили, остальное не имело значения. Никто из рыцарей не сомневался, что король рано или поздно прибудет на Кипр, хоть сперва и не собирался делать этого – он никогда не бросал своих людей. Когда же поутру моряки разглядели в бухте нарядную галеру двух королей – бывшей и будущей, надежда переросла в уверенность. Не бросит же его величество собственную невесту посреди чужих вод!

– Здесь удивительно приветливый народ, – заметил Джордж Эддли, покачивая баклагой вина, которую ему дал один из рыбаков. – Хочешь?

– Нет, спасибо, – ответил расстроенный Трагерн. В море он потерял свой посох и теперь не мог понять, зачем ему понадобилось призывать его по такому пустяковому делу. Молодому друиду казалось, что он легко мог «справиться» у стихии о друге и без помощи артефакта. Но теперь было уже поздно.

Без посоха Трагерн чувствовал себя бессильным. Он словно ослеп и оглох, хотя это было не так и говорило лишь о его лени. «Учитель прибил бы меня, – подумал молодой друид, чувствуя себя виноватым. – Он, конечно же, был бы прав».

К вечеру в рыбачью деревушку нагрянули солдаты и чиновник в богатой одежде, он представился слугой священного императора Кипра и пригласил всех англичан в Лимассол, где им будет оказан надлежащий прием. Лицо чиновника было спокойным и равнодушным. Он медленно, с видимым трудом выговаривал слова латинского языка, уверяя, что в городе путешественники ни в чем не будут испытывать недостатка.

– Вот что значит служить сильному королю, – развеселился Эддли, подталкивая Трагерна в бок с такой силой, что молодой друид опасался за целостность своих ребер. – Согласись,

это лучше, чем прислуживать какому-то Исааку Комнину или Мануилу, о которого наши соотечественники только что ног не вытирали.

– В каком смысле?

– Византиец стелился, как коврик, лишь бы рыцари Людовика VII Капета, батюшки Филиппа-Августа, и солдаты Конрада III Германского поскорее миновали его город. Насколько я знаю, местный императришка – только внучатый племянник Мануила и куда слабее его. С такого острова как наберешь достойную армию? Конечно, он будет лебезить перед нашим государем.

Слова рыцаря успокоили всех, кто его слышал. В самом деле, какой сумасшедший рискнет ссориться с Ричардом, заслуженно прозванным Львиным Сердцем?

Поэтому, когда гулявших по городу англичан одного за другим разоружили и отвели в замок, где заперли в большой зале со сводчатым потолком, моряки и рыцари сперва очень удивились. Может быть, потому-то захват потерпевших крушение прошел так быстро и легко. Уже потом запертым была предоставлена полная возможность стучаться и протестовать, но было поздно. Еще до заката секретарь принес императору результат допроса того из рыцарей, которого сочли самым родовитым и, соответственно, знающим больше всех.

Его величество бегло взглянул на протокольную запись и на предложение прочесть, раздраженно качнул головой:

– Ты прекрасно можешь пересказать мне все это. Итак?

– Ваше императорское величество, как показал рыцарь Эддли, на галере, бросившей якорь в бухте, находятся две знатные дамы – ее высочество принцесса Беренгера, которую англичанин называл королевой на том основании, что дочь короля Санхо уже помолвлена с королем Ричардом Английским, и королева Иоанна, вдова Вильгельма Сицилийского.

– Принцесса Беренгера? В самом деле? Неужто английский король расторг помолвку с Алисой Капет? – заинтересовался Исаак.

– Об этом говорят.

– И сохранил хорошие отношения с Филиппом-Августом? Вызывает сомнения. – Император рассмеялся, довольный. – Теперь мне все понятно. Ричард Английский решил предоставить Французу захватывать Акру, Яффу и Иерусалим, а сам собирается довольствоваться Кипром. Ну-ну.

– Ваше императорское величество?

– Палатина и стратига ко мне. И камерария. И пусть на этот раз не смеет мне говорить о том, что казна пуста. Если не хватит золота, я начеканю монеты из его шкуры, так и передай ему!

– Да, ваше императорское величество. – Василий сдержанно поклонился. – Рыцарь Эддли сообщил, что три корабля, два из которых разбились на скалах, принадлежали армаде короля Ричарда. Шторм разметал их, но король будет искать свою невесту.

– Легко догадаться.

– Рыцарь Эддли не знает, сколько времени понадобится королю Ричарду, чтобы найти их. При допросе наши люди не применяли пыток, но если ваше императорское величество пожелает, мы можем проверить, в самом ли деле это все, что знают рыцарь и остальные англичане.

– Думаю, пока это ни к чему. Всегда успеется. – Исаак махнул рукой, и Василий Калигит, поклонившись, ушел.

Палатин, исполнявший как военные, так и судебные обязанности в рамках острова, и стратиг, призванный воевать также и за пределами миниатюрной империи (просто еще ни разу за шесть лет, если не считать единственной попытки базилевса вернуть мятежный Кипр под свое крыло, не приходилось этого делать), явились незамедлительно. Приказы Комнина были просты и ясны – усилить оборону, собрать армию и ждать. Что делать с галерой, импе-

ратор еще не решил. Посланник, прибывший оттуда, подтвердил показания допрошенного рыцаря Эдди, вернее, просто сообщил, что на борту большой и когда-то нарядной галеры находятся знатные дамы...

Галера покачивалась на волнах, размеренно и плавно, словно колыбель, и молодые женщины, устроенные в каюте со всем комфортом, больше не испытывали неудобства. Они, знавшие о путешествиях по морю очень мало, не поняли, как близки были к гибели, и потому не беспокоились ни о чем. Иоанна, закутанная в длинную черную накидку поверх расшитого золотом черного траурного платья, подошла к двери каюты и, открыв ее, встала на пороге, то ли любуясь красотой неба и моря, сапфировая синева которых была совершенно одинакова, то ли думая о чем-то. Молодая королева, которая похоронила своего ребенка, когда ей было семнадцать, и стала вдовой в двадцать четыре, была довольно мила. Она не походила на свою мать, демонически прекрасную Альенор Аквитанскую, но в огромных темных глазах застыла память о пережитом, и она выглядела прекрасной и скорбной, как Мадонна на церковных витражах.

Она почти не разговаривала с Беренгерой, да, впрочем, ее будущая невестка этого не замечала. Принцесса Наваррская была поглощена собой и своей грядущей свадьбой. Она очень долго ждала подобающего брака и вот теперь могла гордиться тем, что ее пожелал в жены самый могущественный из государей Европы. Конечно, на самом деле наибольший вес имело ее приданое – и земли, и армия Наварры, и золото, которое Санхо VI обещал ее будущему мужу. Что с того? Разве бывает так, чтоб государи женились на бесприданницах? От каждого брака хороший король старается выгадать как можно больше для себя и своей страны. Беренгера считала: ей надо гордиться, что она такая богатая невеста.

Буря была так сильна, что ветер буквально вбивал капли воды в мельчайшие щели корабля, и, хоть люки и двери были задраены как надо, в каютах все промокло. Теперь слуги выносили ковры, занавеси и кушетки на просушку, размещали их на палубе, и моряки, рыцари и даже те гребцы, которые отдыхали на нижней палубе, могли убедиться – обстановка галеры на самом деле роскошна. Иоанна, стоя в дверях, смотрела, как переливается под солнцем великолепный шелк, как горят изумительные вышивки золотом.

Одно из покрывал помогала расстлать девушка в попорченном морской водой платье, достойном придворной дамы. Нет, она не служанка – и одета слишком роскошно, и держится уверенно, с достоинством. Рядом с ней был молодой мужчина в замшевом кафтане, надеваемом обычно под кольчугу, со следами соли в складках, с солью в волосах. Он выглядел измученным, но оживленно беседовал с девушкой и разок поднялся с места, чтоб помочь ей расстелить ткань. Вдовая королева вспомнила его, это был тот самый рыцарь, который постоянно следовал за королем Английским. А девушка... да, конечно, она тоже была в свите Ричарда, в Мессине, еще подала ей, Иоанне, напиток, хотя и не была служанкой. Просто жест вежливости.

Иоанна подобрала подол единственного сухого платья, которое нашла прислужница, и спустилась на палубу. Молодой рыцарь повернулся к ней и поклонился. Девушка, помедлив, последовала его примеру, сделав изящнейший реверанс.

Вдовая королева протянула руку.

– Я помню вас, сударь, – сказала она по-французски, обращаясь к нему. – Вы служите моему венценосному брату, королю Ричарду. Как ваше имя?

– Ричард Уэбо из Уолсмера, ваше величество. Я телохранитель его величества короля Ричарда.

– В самом деле? – Королева милостиво кивнула. – В таком случае я удивлена: почему же вы, рыцарь, оказались на этом корабле?

– Я был на «Голубке», ваше величество. На одном из тех кораблей, которые разбились на скалах. Меня и мою невесту смыло за борт.

– Вы добрались до галеры и смогли спасти свою невесту? – В глазах Иоанны вспыхнуло любопытство. До того она смотрела на Дика с равнодушием знатной дамы, и не думающей снисходить до низшего, хоть и дворянина, но не августейшего лица. Теперь же в ее голосе появился интерес. – Вы удивительный человек.

– Ваше величество очень добры. – Он не мог не улыбнуться.

– Но почему же вы оказались не на корабле моего брата? Он не держал вас при себе?

– Нет, ваше величество. Государь приказал мне отправляться вперед.

– Должно быть, он счел вас достойным находиться в эскорте корабля своей невесты.

– И своей сестры, ваше величество.

Иоанна невольно улыбнулась, и ее бледное лицо слегка порозовело. Она давно забыла, как это приятно, когда тебе улыбается молодой мужчина. В день смерти мужа с наивной самокритичностью современных ей женщин она решила, что жизнь ее кончена. Вдова Вильгельма Доброго была еще очень молода, густые темные волосы обрамляли милое свежее личико, глаза очаровательно затеняли длинные ресницы, но двадцать пять лет – это более чем половина женского века. В те времена женщины умирали раньше мужчин, если, конечно, не считать частых смертей на войне, и грань тридцатилетия была гранью между молодостью и старостью. Молодая вдова каждую минуту помнила, что ей до рокового порога осталось только пять лет. Даже немного меньше.

Дик смотрел на молодую вдову вежливо и мягко, испытывая сочувствие к женщине, которой пришлось пережить так много, она же принимала это за симпатию и восхищение ее привлекательностью.

Изумившись самой себе, Иоанна жестом дала понять, что разговор окончен, и повернулась к собеседнику спиной. Она чувствовала смятение.

Серпиана проводила бывшую королеву взглядом и покосилась на Дика.

– Ты ей явно понравился.

Молодой рыцарь едва слышно рассмеялся.

– Не смейся. – В голосе девушки впервые за все время появились нотки ревности. – Я серьезно.

– О чем ты говоришь? Это королева Сицилии, и ей никогда не придет в голову обращать внимание на простого рыцаря.

– Разве она не женщина?

Дик наклонился и поцеловал ее в затылок, нагретый солнцем и слегка пахнущий солью, а потом – в шею под туго заплетенной и уложенной на голове толстой косой. Кожа девушки обожгла его губы.

– Не надо ревновать, солнце мое. Я не однажды предлагал тебе пожениться. Если б ты согласилась, у тебя не было бы никакой причины для ревности.

– Думаешь, заключение брака избавит меня от каких-либо сомнений?

– А ты действительно ревнуешь меня?

Она улыбнулась ему, и, взглянув в дивные искрящиеся глаза, Дик захотел немедленно прижать девушку к себе. Нельзя, неприлично делать это на глазах у всех. Но как же она прекрасна...

– Вовсе нет. Я шучу, – ответила Серпиана. Он отвел ее в сторонку и там, укрывшись за бьющим по ветру сохнувшим парусом и огромными бухтами свернутых канатов, обнял и стал целовать. Она прятала глаза, но охотно подставляла губы, он гладил ее по щеке и шее и снова поражался, насколько горяча ее кожа. Горяча, как накаленный солнцем камень. И при этом – ни единой капельки пота. Кожа была обжигающе сухой.

– Ты пышешь жаром. Прямо как само солнце, – прошептал он.

Она лишь улыбнулась в ответ.

– Вчера в воде ты была такой холодной, что я даже испугался.

– Я же змея. Нас считают холоднокровными.

– И что?

– Таким, как вы, примитивным существам, – она задорно улыбалась, – непременно нужно сохранять высокую температуру тела. Если вы остываете, вы умираете. Нашей расе это не нужно. Если мы остываем сильно и надолго, мы просто засыпаем. Проще было стать такой же холодной, как море, так я тратила меньше сил. Теперь же я набираю тепло всем телом, чтоб компенсировать потери.

– Все это слишком сложно для меня. – Он прижал ее покрепче. – Об тебя можно греться. Наверное, ты предпочла бы где-нибудь на солнышке свернуться клубочком, верно?

– Да, причем в змеином облике. – Она поддразнивала его, словно хотела таким образом раззадорить.

Воспоминания о своей спутнице, рассекавшей волны в облике змеи, навели Дика на мысли о пропавшем друге и оруженосце, молодом друиде Трагерне, который оставался на борту погибшей «Голубки». Корабль налетел на рифы, и высокие волны разбили его в щепки, вынесли доски на берег, не оставив от судна ни следа. Остов второго торчал не так далеко от стоящей на якоре галеры. От него тоже осталось немного. Но друид вполне мог спастись. Почему нет?

– О чем ты думаешь? – спросила посерьезневшая Серпиана.

– О Трагерне.

– Волнуешься?

– Немного.

– Ты мог бы попытаться почувствовать, жив ли он и все ли у него в порядке.

– Но как?

– Чему тебя, интересно, учили друиды? – фыркнула девушка-оборотень.

Дик задумался.

Он прожил у друидов в Озерном крае немного меньше года, друиды обучили его многому, но ничего, что могло бы помочь ему найти друга, не пришло в голову. С другой стороны, магия, в тонкости которой молодой рыцарь волей судьбы оказался посвящен, дает самые разные возможности, и, наверное, можно составить и такое заклинание. Дик стал перебирать в памяти все те формулы, которые узнал из книг, придумывая, как именно их можно собрать воедино.

– Только не надо колдовать напрямую, – сказала девушка, внимательно следя за выражением его лица. – Не забывай о том, что тебе говорил старик-друид. Будь осторожней.

– Но чего же ты от меня хочешь? Как я могу узнать что-то, если не применю заклинания?

– Ну заклинания не обязательны. Попробуй обойтись без них.

Молодой рыцарь сосредоточился, изменил взгляд, и теперь он видел только магию.

Это дивное зрелище – мир, расцвеченный магической силой. Сеть каналов разной толщины и интенсивности мгновенно оплела долину Лимассол, они дрожали и испускали хрупкие веточки энергетических эманации. Берег на линии прибоя светился бледно-зеленым – это была граница сил земной и водной. Переливчатыми куполами золотого света были накрыты три храма, располагавшихся в долине. Одна из гор словно превратилась в действующий вулкан – над ней выросла шапка света, подвижного, ослепительного и безупречного, раскрывающегося, как цветок, где лепестки живо напоминали языки лавы. Мгновение Дик любовался, потом не выдержал, тронул Серпиану за плечо, показал рукой:

– Смотри, как красиво.

Он почувствовал прикосновение ее сознания – видимо, девушка предпочла смотреть его глазами. Она подняла взгляд и вздрогнула.

– Красиво, правда? – повторил он, не дождавшись реакции.

– С ума сойти... Никогда ничего подобного не видела.

– Как ты думаешь, что это?

– Что тут думать? Магический источник, причем естественный, нетронутый и довольно мощный. – Она покачала головой. – Думаю, я была не права и здесь ты можешь применять любую магию – все твои действия приглушит этот источник... Как бы хотелось прибрать к рукам эту драгоценность... Ты нашел Трагерна?

– Нет еще. – Дик пошарил магическим взглядом по берегу и ткнул пальцем в сторону слабой, но ясной, как маленькая звездочка, зеленой точки. Самый друидический знак. – Вот он где. В этом замке.

Если человек, обладающий необычными способностями, так или иначе духовно связан с другим таким же необычным человеком; найти его в пределах досягаемости магического взора – дело наипростейшее.

– Жив, дубовый сучок, – с облегчением бросила девушка, видимо, тоже разглядев.

– Жив. И здоров... Почти, – протянул молодой рыцарь. Он задумался, рассматривая полоску прибоя, зелень прибрежных рощ, осыпанных ароматным снегом яблоневого, вишневого и апельсинового цвета, и твердыню Лимассол.

– Ты что?

– Так. Ничего.

– Неправда.

– Потом скажу.

Всю ночь просидевший в запертой каюте Этьен де Мони, назначенный на время путешествия личным казначеем принцессы Наваррской, с утра не знал, чем заняться, и потому решил провести ревизию уцелевших на галере припасов. Осмотрев продукты и бочки с пресной водой, он сделал вывод, что долго на всем этом не протянуть. Впрочем, никакой проблемы он в этом не видел, ведь корабль находился не в открытом море, а на расстоянии вытянутой руки от берега, и какого. Вот уж воистину изобильный остров, где можно купить все – и хлеб, и мясо, и вино, и фрукты для дам. О чем он и сообщил командору Стефану Турнхаму, когда тот поднялся на палубу из каютки, где дремал, утомленный предшествующей ночью. Во время шторма несчастный Турнхам промучился морской болезнью и заснул только к утру. Он считался командиром тридцати гвардейцев, охранявших принцессу и вдовствующую королеву, и без его разрешения моряки не посмели пристать к берегу. Равно и будить такого знатного сеньора не решился никто.

Стефан Турнхам был встрепан и еще бледен после мучений предшествующей ночи. Море внушало ему опасение, и из сказанного де Мони он понял только одно – необходимо решить, сходить или не сходить на берег. В заспанных, покрасневших глазах знатного сеньора появился интерес. Для виду он высокомерно пожевал губами и изрек:

– Ну что ж, можно. Передай приказ.

– Милорд, прошу вас не делать этого, – прозвучало слева.

По лесенке, ведущей с нижней палубы на верхнюю, взбежал молодой рыцарь в испорченном солью подкольчужном кафтане, распахнутом из-за жары. Турнхам вспомнил его – тот самый рыцарь, который победил в турнире под Вузелем и потом все вертелся возле короля. И, кажется, король его отмечал. Кроме того, идет поход, и то, что недопустимо при дворе, вполне возможно, когда близится бой. Так что юноше, известному как телохранитель короля, можно простить дерзость.

– Почему же? – снизошел граф до вопроса. Ему, помимо всего прочего, очень понравилось обращение «милорд», поскольку настолько знатным он пока еще не был.

– Милорд, в Лимассоле находится местный император.

– И что с того?

– Исаак Комнин известен своей неприязнью к рыцарям, отправляющимся в поход на Восток. Дошло до того, что он запретил их кораблям входить в кипрские порты. Куда уж больше.

– Сейчас другая ситуация. Он не посмеет отказать в приеме таким знатым дамам, как ее высочество Беренгера и ее величество Джоанна.

Французский рыцарь назвал вдову Вильгельма Сицилийского простонародным именем Джоанна, а не державным Иоанна, как положено, что свидетельствовало о том, насколько не считаются с сестрой короля Английского. Дик только поморщился, но сделал вид, что не слышит.

– Отказать-то он не посмеет, – согласился Уэбо. – И принять, конечно, примет. Но как поступит потом? Не захочет ли взять столь знатных дам в заложницы? Это было бы слишком неприятно для его величества Ричарда.

Турнхам задумался. Сон еще не отступил, сознание туманилось, и думать было тяжело. Но о Комнине он что-то слышал. В самом деле, этот мелкий государь доставлял немалые проблемы французским, германским и английским кораблям, перевозящим припасы для воинов, чинил постоянные препятствия. Ходили слухи, что Комнин даже поддерживает союзные отношения с султаном Саладином, а уж это не лезет ни в какие ворота. Особенно неприятно было упоминание телохранителя короля о гневе суверена. Да, если государь разгневадается, добра не жди.

Он повернулся и взглянул на принцессу Беренгеру, видно, соскучившуюся в темной каюте и вышедшую на палубу. Дочь короля Наваррского, став невестой английского короля, решила использовать время от помолвки до бракосочетания как можно приятнее и появилась на людях в самых роскошных платьях. И теперь она искрилась под солнцем – сама как драгоценное украшение, так что слепило глаза. Тяжелая парчовая ткань, литое золото, камни украшений – покосившись на принцессу, Серпиана подумала: хорошо, что будущая супруга короля Ричарда такая высокая и крепкая девушка, должно быть, достаточно сильная, чтоб таскать на себе такую тяжесть.

Стефан Турнхам поклонился принцессе, и Беренгере, зная, что знатной даме не следует совать нос в мужские дела, заинтересованная, подошла. Дик склонился перед ней, выпрямился и повторил принцессе то, что только что сказал командиру ее гвардии.

– Ваше величество! – Конечно, так, наверное, преждевременно было обращаться к Беренгере, пока еще только невесте короля, но лесть – лучший способ добиться от власти имущих того, что тебе нужно. Дик вовсе не хотел, чтоб его собственная невеста оказалась в гуще боя, когда высадившуюся на берег гвардию атакуют, и потому пустил лесть в ход. – Ваше величество, речь шла о том, что на берег высаживаться опасно. Император Кипра не внушает никакого доверия. Его поступки невозможно предугадать.

Дочь короля Наварры порозовела, польщенная, что у нее, можно сказать, спрашивают совета по такому важному вопросу. Она мало что поняла из услышанного, только то, что сходить на берег опасно и это, возможно, вызовет гнев ее будущего супруга. Злить короля Англии она не собиралась ни в коем случае, интуитивно чувствуя, что только от супруга, от его отношения будет зависеть ее положение и ее власть. Ее будущий муж, конечно же, оценит ее преданность и покорность его воле.

– Без разрешения своего будущего супруга на берег я не сойду, – заявила она, изящно обмахиваясь веером. – И моя дорогая сестра тоже. – На Иоанну, стоявшую в дверях каютки, она даже не оглянулась.

Молчаливая вдова не издала ни звука – не спорила, не соглашалась, но от нее ничего и не ожидали.

Стефан Турнхам счел за лучшее не возражать. Почему бы и нет? В самом деле, его величество Ричард Плантагенет может выказать недовольство чем угодно, но только не

подобным подчинением его воле. Сердить короля не угодно, но только не безоговорочным повиновением. Сердить короля не хотелось никому. Кроме того, Комнин ничем еще не доказал, что он не замышляет какой-нибудь каверзы. Если он задумал что-нибудь дурное, пусть остается с носом.

Куда приятней будет сойти на берег в окружении огромной армии, когда король Английский доберется до Кипра.

Глава 2

Несколько долгих и томительных дней англичане, выброшенные после бури на берег Кипра и заключенные под стражу в Лимассоле, провели под замком. Радужные иллюзии, что с ними, выжившими, уже не случится никакой неприятности, развеялись очень быстро. Принесенной им еды хватило бы разве что на одного-двух взрослых мужчин, а заключенных было десятеро. Своды залы низко нависали над головой, камни сочились влагой, и она оседала на стенах мелкими холодными каплями. Несмотря на то что в апреле здесь солнце жарило уже так сильно, что без шляпы ни один крестьянин не выходил в поле, в зале стоял такой холод, что легко одетые англичане сразу продрогли.

Требования немедленно освободить их натолкнулись на грубые крики стражей, угрозы и даже побои. Трагерну, который оказался ближе всех к двери, досталось первому. Просьбы принести столько еды, чтоб ее хватило на всех, стражи пропускали мимо ушей.

– Посмотри на их жирные ряхи, – проворчал кто-то из воинов. – Небось сами все сожрали. Мерзкие головешки. Да они тайные мусульмане.

– С чего ты взял?

– Да ты на них посмотри! Черные, как турки.

– Тише, – простонал Трагерн, потирая бок. – Вдруг они знают английский?

– Вряд ли, – возразил ворчун, но голос понизил. – С чего им владеть нашим прекрасным языком... А может, они нас просто не понимают? Эй, есть тут кто-нибудь, кто знает местный язык?

– А на каком они тут говорят?

– Не знаю. Наверное, на кипрском.

– На греческом, – вставил Трагерн.

– Эй, умник, а этот самый греческий ты знаешь?

– Знаю.

– О, – оживились все. – Давай-ка потребуй у них нашу жратву!

– Интересно, почему это должен делать я? Сам требуй, – огрызнулся молодой друид. – Почему я должен получать за всех? Я уже один раз получил, больше не хочу.

– Я, между прочим, этого твоего греческого не знаю.

– Он не мой. Пожалуйста, я тебе переведу любую фразу.

Заключенные долго совещались, спорили, что заняло у них несколько часов, на протяжении которых голод не терзал мужчин – одни и думать забыли о своих мучениях, перебирая грехи каждого из спорщиков, другие увлеклись чужой сварой и с интересом следили за ее развитием. Под конец порешили сделать так, как советовал Трагерн: самый голодный и потому самый смелый из рыцарей приготовился слушать и запоминать греческие фразы.

– Смотри, подскажешь что не то – голову оторву, – мрачно пообещал он.

Молодой друид только отмахнулся. Он выглядел мрачным и раздраженным.

– Ну, что тебе переводить? Какую фразу?

Трагерн не мог похвастаться действительно хорошим знанием греческого, хотя на самом деле свободно разговаривал более чем на десяти живых языках, а помимо того, прекрасно владел языком учености, то есть латынью, но ему, как магу, не стоило особого труда восполнить недостатки знаний, просто слушая стражу. Он убедился, что охранники разговаривают на очень примитивном греческом диалекте, изобилующем словами и фразами, которые употреблять при переводе не стоило, чтоб тебя не избили. Тщательно подбирая слова, он составил самую простую фразу.

Рыцарю пришлось повторить ее не меньше двадцати раз, прежде чем он смог воспроизвести ее более-менее точно и понятно. Язык англичанина спотыкался о сложные и непри-

вычные звуки, и молодой друид выслушал о себе немало неприятного и несправедливого. Впрочем, он не обижался.

Перебранка со стражами затянулась. Сперва те очень удивились, что вместо непонятной тарабарщины из камеры слышались знакомые звуки правильно составленных, хоть и слегка искаженных фраз на местном диалекте, потом заинтересовались и даже заглянули внутрь. Впрочем, выполнять требование отнюдь не спешили, только вяло переговаривались между собой и коротко отвечали рыцарю, вызвавшемуся побеседовать с охраной.

– Что они говорят? – нервно спрашивал англичанин, оборачиваясь к Трагерну.

Тот переводил, стараясь держаться подальше от двери, – одного пинка ему было вполне достаточно. Молодой друид понимал, что стражники вряд ли согласятся пополнить меню заключенных или улучшить его, но попытаться-то стоит! Ответы облаченных в доспехи громил были разнообразны – от «не велено» до «заткни свою хлебалку, франкское дерьмо, сколько тебе положено жратвы, столько ты и получил». Услышав перевод последней фразы, рыцарь короля Английского раздраженно бросил своему добровольному переводчику:

– Скажи ему, что он сам дерьмо, даже по цвету похож.

– Сам говори. Что я, с ума сошел?

– Да ты трус, оруженосец!

– Ничего подобного, я просто реалист.

– Ну хорошо, скажи, как это должно звучать, а я передам.

Трагерн подобрался поближе и прошептал фразу рыцарю на ухо. Говорить во весь голос ему совершенно не хотелось, тем более что, судя по реакции, фразы, которые он составляет, местные понимали хорошо.

Эддли, сидевший рядом с молодым друидом, заинтересованно следил за разговором и, когда его сосед плюхнулся на место, шепнул ему:

– Отличная идея, парень. Сейчас они придут в ярость и ворвутся сюда, нас бить. Их четверо, а нас десять. То, что надо. Как по-местному будет «дерьмо», ну-ка скажи мне?

Трагерн фыркнул и стал переводить самые забористые словечки, вернее, просто вычленил их из потока речи киприотов и повторил на ухо Эддли. Джордж, как оказалось, гораздо лучше способен воспринимать фразы на чужом языке, он смог повторить их с первого раза и тут же произнес в полный голос. Молодой друид не очень точно понимал, что означают те или иные слова, но по тому, как немедленно ошетинились стражники, понял, что, наверное, ругательства самые смачные. Рыцарь решительно отстранил его, мол, держись подальше, и, чуть нагнувшись, выставив привычные к драке руки, загадочно улыбаясь каким-то собственным мыслям, стал ждать киприота.

В драку полезли трое стражей, четвертый остался снаружи, но через полуотворенную дверь заглядывал внутрь с величайшим интересом. Было понятно, что он и сам бы с удовольствием поучаствовал, но не мог. Охранники пустили в ход небольшие дубинки, утяжеленные металлическими накладками, мечей они пока не доставали, но на поясе это оружие висело, и англичане об этом не забывали. Все крепыши в троице выглядели похожими друг на друга, как братья, – низкие лбы, крепкие челюсти, широкие плечи и длинные руки, и даже повадки одни и те же. На ворвавшихся внутрь киприотов воины короля Ричарда накиннулись с удовольствием. Они еще не ослабели от голода, хорошо отоспались после бури. Голодный мужчина, как известно, начинает злиться, и эту злобу надо было как-то выплеснуть.

На стражников, оскальзываясь, налетели сперва шестеро пленников, потом еще двое, только Трагерн остался в стороне, вспомнив, что друидам не следует вступать в драки, разве что, защищая свою жизнь. Конечно, на эту ситуацию можно было посмотреть и иначе, но молодому друиду не очень-то хотелось получить дубинкой по голове. Кроме того, в одно мгновение у двери образовалась такая давка, что и драться-то там, наверное, было просто

невозможно. Киприоты замахивались, но их руки перехватывали, кто-то виснул на них, хватая за одежду, и стражники спотыкались, случайно натыкаясь на чьи-то чужие сапоги.

Один из охранников попытался напасть на Эддли, видимо, чтоб посчитаться с ним за те фразочки, которые тот продолжал время от времени бросать в адрес одинаковых крепышей. Он оказался совсем близко от Трагерна, на которого, ведущего себя тише всех, просто не обратил внимания, и молодой друид, не рассуждая, подставил чужаку ногу. Киприот с размаху полетел на пол.

Эддли немедленно навалился сверху и принялся молотить противника кулаками и ногами, стараясь отыскать самое уязвимое место. Крепыш был в шлеме и кольчуге, не слишком хорошей, но представляющей собой надежную защиту от английских кулаков, в широком тяжелом поясе с металлическими пряжками и наручах. Дубинку он выпустил из рук, она откатилась, и Джордж попытался дотянуться до нее. Воспользовавшись тем, что беспокойный пленник отвлекся, киприот скинул его с себя и с размаху врезал кулаком по переносице. Удар был достаточно силен, чтоб размозжить голову, но в последний момент Эддли извернулся, и кулак прошелся вскользь, содрав кожу над бровью. Перед глазами рыцаря потемнело, он откинулся назад и замотал головой. Руки перед собой он выставил инстинктивно, и этим, наверное, спас себе жизнь, потому что следующий удар был куда более точным. Джордж опрокинулся на спину.

Трагерн, прекрасно понимавший, что, разобравшись с Эддли, стражник переключится на него как на ближайшую цель, подхватил с пола пустую миску и расколотил ее об шлем киприота. Тот развернулся было, но и рыцарь не зевал. Хотя сознание его, похоже, еще не окончательно прояснилось, он оттолкнулся руками от пола, налетел на охранника и сбил его с ног. От удара у слуги императора Исаака Комнина на голове перекопился слишком большой для него шлем, и Джордж принялся колотить по нему кулаками, словно по хорошему барабану. Стражник бестолково махал руками, но, похоже, в голове у него слегка зашумело, и теперь уже он не соображал, где враг. В конце концов Эддли удачно перехватил упавшую дубинку и, легко взмахнув этим довольно увесистым оружием, обрушил его на шлем противника. Тот затих.

Свалка у двери тоже слегка рассосалась, но, к сожалению, киприоты оказались не так глупы. Когда стоявший снаружи стражник увидел, что пленники вырвались в коридор, он оглушительно свистнул.

По полу застучали подковки солдатских сапог. Оказалось, еще несколько вооруженных и облаченных в доспехи охранников находились неподалеку от двери, за которой заперли англичан. Они грубо затолкали чужестранцев обратно в большую камеру и полезли туда сами, молотя безоружных пленников дубинками, древками коротких дротиков и мечами в ножнах. Они не церемонились, но и не стали устраивать повальное избиение, то ли следуя приказу, то ли еще по какой-то причине. Только усмирили воинов короля Ричарда и заперли дверь.

– Черт побери, – выругался Эддли, поднимаясь с каменного пола. – А ведь почти получилось! Мы были близки к победе.

– Ладно, может, стоит попробовать еще разок? – размышлял вслух кто-то из рыцарей.

– В следующий раз, боюсь, они будут осторожней, – уныло ответил Трагерн, потирая ушибленную спину. И почему ему всегда достается? Еще хорошо, что ничего не сломали.

– Молчи, что ты понимаешь в военном деле! Ты же просто оруженосец!

– Разве рыцарей учат, как сбежать из плена?

– Мы будем выбираться на свободу! А чему же еще, по-твоему, учат воинов, как не искусству драться, недотепа?

– Еще несколько дней на такой жратве – и мы уже никуда не выберемся, – с тоской протянул кто-то из англичан, грустно глядя на раскрошенный кусок хлеба, который он зачем-то припрятал, вместо того чтоб съесть сразу, а потом в драке сильно помял.

– Да уж.

В зале воцарилось уныние. Кто-то попытался расшатать решетку на окне, хотя, пожалуй, только самый щуплый из них смог бы пролезть через эту бойницу, и то вряд ли. Но прутья крепко держались в камне.

А тем временем на борт галеры, потихоньку приводимой в порядок слугами, поднялся посланник императора Комнина. Это был круглолицый, жирный, как евнух, черноволосый грек в богатых ярко-красных одеждах и золотых украшениях, показавшихся английским солдатам женскими. Его для порядка и престижа сопровождали четверо стражников, которые остались в лодке – их никто не пригласил подняться на борт. Для посланника сперва сбросили веревочную лестницу, но потом, поняв, что толстяк при всем желании не сможет воспользоваться ею, спустили маленькую деревянную платформу на канатах, которую использовали для подъема грузов. Подняв на борт, его проводили к Стефану Турнхаму.

Грек низко кланялся, разливался соловьем и говорил так сладко, что слушать его было одно удовольствие. Но все его красноречие пропало втуне – греческого, равно как и кипрского наречия, здесь никто не знал, великолепие его латыни не смогли оценить, а французский был так плох, что воплотился лишь в самые простые фразы. Суть сказанного командир гвардии принцессы понял – посланник передавал гостям приглашение спуститься на берег и насладиться гостеприимством императора. Разумеется, всем англичанам гарантировали полную безопасность.

Второй раз за день Турнхам задумался. На берег ему хотелось, но что-то в поведении посланца показалось подозрительным. Должно быть, рыцарь просто терпеть не мог толстяков, которые походили на скопцов. Скопец – почти что женщина, а женщинам благородный рыцарь не доверял. Причем настолько, что на время своего похода заточил жену в стенах надежного монастыря со строгим уставом, пригрозив, в случае чего, сжечь дотла и монастырь, и монахинь. Подобная угроза сошла ему с рук, потому что у Ричарда он ходил в любимцах.

Поэтому знатный сеньор ответил греку, что без позволения короля принцесса Беренгера никак не может сойти на берег, а вместе с ней и ее люди, так что разговаривать тут не о чем. Поразмыслив, он добавил, что невеста короля Английского и ее воины были бы благодарны императору Комнину, если б он прислал им провизии и воды. При этом посмотрел многозначительно, пытаясь дать понять, что императору лучше исполнить просьбу. Посланник, впрочем, понял только то, что припасов на галере в обрез, и куда настойчивей стал предлагать сойти на берег и выбрать все самим.

Принцесса Наваррская подглядывала через окошко, но в конце концов не выдержала и пожелала посмотреть на любопытного грека. Посланнику пришлось повторить свою тираду снова, на этот раз он напирал на комплименты, которые любая греческая или итальянская женщина посчитала бы проявлением вежливости. Беренгере же это показалось дерзким. С другой стороны, слышать это было приятно, да и далеко не все грек смог выразить на своем дурном французском, который будущая королева Английская, как женщина образованная, конечно же, понимала.

Но, несмотря ни на что, Беренгера повторила то, что уже сказал Турнхам, добавив, что будет рада полюбоваться прекрасной долиной Лимассол позже, когда прибудет ее будущий супруг и повелитель. Грека, сажающегося в лодку, только многолетний опыт придворной службы удержал от того, чтоб не выругаться с досады. Он прекрасно понимал, какое раздра-

жение у императора вызовет привезенный им ответ. Но тут уж ничего не поделать. То ли гости разгадали намерение Комнина, то ли просто осторожничают.

– Нет никаких сомнений в том, что Плантагенет задумал захватить Кипр! – еще долго гремел раздраженный Исаак после того, как сорвал всю злобу на неудачливом посланце. – Если б он не собирался этого делать, с чего бы ему предостерегать свою свиту? В этом виден злой умысел!

– Возможно все-таки, что принцесса просто не уверена в хорошем приеме, – предположил стратиг. – Если убедить ее, что все в порядке... Как каждая женщина, ее высочество наивна, и, думаю, подарки и изъявления приязни убедят ее в наших добрых намерениях. Если же потом Плантагенет захочет напасть на вас, ваше императорское величество, возможно, тот факт, что его невеста и его сестра в наших руках, изменит его решение.

Невыразительное лицо Комнина неожиданно оживилось. Алчность вдруг завладела всем его существом. Эта страсть, одна из самых сильных в человеческой натуре, у тех, кто всю жизнь держит в руках нити власти, она особенно сильна. Исаак сразу представил, что можно получить тем или иным путем, если у него в руках окажутся две такие знатные дамы. Только надо действовать осторожно, делая вид, что ничего на самом деле не хочешь. Да, впрочем, Ричард Плантагенет славится тем, что умеет вытягивать золото из кого угодно, так что он-то как раз все поймет. Известное дело, если не женится – не получит приданое Беренгеры. Не освободит Иоанну – не сможет управлять ее имуществом и прикармливать доход. Обе женщины ему нужны. А значит, он и сам раскошелится. Но самое главное – Кипр будет в безопасности. А там, глядишь, подоспеет Саладин, вышибет Филиппа Августа из Палестины, и тогда королю Английскому будет уже не до острова.

Император, сдвинув брови, многозначительно посмотрел на палатина и стратига и жестом предложил высказывать соображения, как именно можно заманить принцессу на сушу. Хотя здесь все и так было очевидно.

На следующий же день от имени Комнина на галеру доставили провизию, причем с умыслом – роскошную, изобильную, но рассчитанную на то, чтоб ею лакомились только знатные дамы или лорды. Здесь были фрукты, свежее козье мясо, которое следовало съесть как можно быстрее, потому что на такой жаре оно должно было тут же начать портиться, пышный хлеб, который сохранял вкус только свежим и быстро черствел, и вино. Воды при этом было подвезено совсем мало, в обрез.

– Ну и что ты по этому поводу скажешь? – спросил у Дика Турнхам – как-то так получилось, что никого более знатного рядом не оказалось, а желание побеседовать появилось у сиятельного сеньора внезапно. В конце концов, в походе посвящение в рыцари уравнивало графа и незнатного сынка какого-то мелкого барончика. – Император, кажется, весьма любезен.

– У императора могут быть свои резоны, – ответил Дик. – То, что он послал провизию, ни о чем не говорит, так поступил бы любой государь по отношению к столь знатным гостям. А вот то, что за эти три дня ни один из спасшихся англичан не явился представиться вам, милорд, как самому высокопоставленному офицеру, странно. Неужто никто с двух судов не уцелел? При такой близости к берегу? Взгляните, от рифов до берега чуть больше полумили. Не могло быть так, чтоб никто не выплыл.

Турнхам с интересом покосился на рыцаря. Сам он прежде не думал об этом, но теперь, когда ему указали, решил, что это и в самом деле странно. Долго ли протянешь на берегу без денег и вещей? Кто-то должен был явиться с просьбой о помощи. Но никто не явился. То, что он не додумался до этого первым, Турнхам показывать не собирался.

– Верно соображаешь, – находчиво похвалил он. – Точно заметил. Считаешь, император похватал всех англичан в заложники?

Дик пожал плечами. Семя сомнений посеяно, более точно он не решился бы передать мысли соратников, которые смог почувствовать. Как скажешь, что способен при помощи нетрудного заклęcia узнать, что именно происходит на берегу? Даже то, что собирался предпринимать Комнин, молодой рыцарь, поднатужившись, взялся бы прочесть в головах его слуг или, может быть, даже у него самого. Но проблема в том, как передать полученную информацию и не позволить заподозрить себя в колдовстве. Однакостораживающие признаки всегда можно найти, если постараться.

– Я ничего не могу сказать.

– Зато я могу. Если они не появятся в ближайшие же дни, следует смотреть в оба. Запомни, телохранитель. Ты служишь королю Ричарду, но сейчас короля здесь нет, и твоя прямая обязанность – хранить от любой неожиданности его невесту.

– Да, милорд. – Дик спрятал улыбку. – Непременно, милорд.

Он уже умел говорить со знатными особами. Главное – не спорить и почаще повторять «милорд» или «государь». Ничего сложного.

Серпиана скучала на корме, на солнышке. Судя по тоскливому взгляду, ей очень хотелось поохотиться, но было нельзя. На свежее козье мясо она смотрела грустно, кажется, даже успела стянуть кусок, но, судя по всему, осталась недовольна. Дик только радовался, что его спутница уже привыкла к местным порядкам и не станет действовать опрометчиво. Он присел рядом с ней в тени свисающего паруса. В конце апреля в Корнуолле было, конечно, уже тепло, но не настолько. В Англии в это время все цвело, здесь же отцветало, и в полдень солнце припекало так, что кожа шла пузырями. Что-то будет в Палестине, говорят, там еще жарче.

– Почему ты здесь? – спросил он девушку. – Я прежде слышал, ее величество Иоанна приглашала тебя в свою каюту.

– Я была там, – равнодушно ответила она. – Посидела, послушала. Скучно – сиди, вышивай. Я не умею вышивать.

– Тебя пригласила королева. У нас королевам не принято отказывать.

– У нас тоже. Но меня там все равно никто не замечал. И отсутствия, конечно же, не заметят. Там предостаточно придворных дам.

Он любовался ею, ее темными, почти черными волосами, которые даже на солнечном свете не отливали золотом, тонкими чертами лица и гибким ладным телом, подобного которому он не видел ни у одной знатной англичанки или француженки. Иногда ее красота казалась ему слишком нездешней, и оставалось лишь дивиться слепоте окружающих. Как же они не видят, что она чужачка, что она – совсем иная, чем женщины их мира? Слишком совершенная, слишком нежная и в то же время уверенная в себе. Здешние красавицы такими не бывают, они с детства привыкают к своему униженному по сравнению с мужчинами положению. Сидевшая рядом с ним девушка прекрасно знала о своей независимости от чьей бы то ни было воли, не просто знала, но, пожалуй, даже изумилась бы, попробуй кто-то убедить ее в обратном.

А потому – так казалось Дику – она могла быть ему не только супругой, но и настоящим товарищем. Ни у одной из прежних возлюбленных молодому рыцарю не пришлось бы в голову спрашивать совета, а с Серпианой он советовался часто. И дело было не в том, что девушка знала что-то такое, чего не знал ее спутник. Она умела держаться так, что ее волей-неволей приходилось уважать.

– Ты уже закончил осмотр?

Она смотрела на него и улыбалась. Ни следа стеснительности, наоборот, Серпиана, кажется, наслаждалась его восхищенным взглядом, даже развернулась немного, чтоб было лучше видно.

– Нет. А тебе неприятно?

– Приятно. Надо признать, так, как ты, на меня никто никогда не смотрел.

– У твоих соотечественников проблемы со зрением. Или со вкусом. – Он скользнул взглядом по ее стройной ножке и вздохнул: – Все равно здесь больше нечем заняться.

В самом деле, на галере скучали. Солдаты, сгрудившись в укромных уголках корабля, чтоб не обнаружило начальство, кидали кости на остатки жалования или на будущую добычу, служанки лениво вытряхивали высохшие господские платья, изрядно подпорченные морской солью (за неимением лучшего двум королевам, будущей и бывшей, приходилось надевать что осталось), и сплетничали. На охрану посланного императором вина Стефан поставил самых стойких солдат и пригрозил – если почует от кого-нибудь из них запах вина, выкинет за борт прямо в доспехе. Пока угроза помогала.

Два дня совсем ничего не происходило, и солдаты сходили с ума от тоски. Каждый уже проиграл по сумме, достаточной для покупки небольшого имения, то есть больше, чем рассчитывал привезти из похода, и они не знали, чем бы еще заняться. Щупать служанок Беренгеры и Иоанны было боязно, драться друг с другом – тем более, а ну как Турнхам в самом деле отправит за борт? Утром третьего дня снова явился посланник от императора, повторил приглашение, снова гарантировав безопасность, но при этом сообщил, что находящиеся в Лимассоле англичане с двух погибших кораблей просят передать им теплые вещи и провизию.

– Это зачем же им, интересно, теплые вещи? – проворчал командир небольшой гвардии принцессы Наваррской, косясь вверх, откуда, несмотря на раннее утро, вовсю жарило солнце.

– В подземельях Лимассола, наверное, холодно, – задумчиво произнес по-английски Дик, который как временный телохранитель будущей королевы был допущен на небольшой совет.

Турнхам покосился на него, но обрывать не стал. Вместо этого приказал собрать вещи и передать их через посланника. Никого из своих людей он на берег не отпустил, и Дик даже не сомневался, глядя во внимательные, умеющие быстро подсчитывать ценности глазки посланца, что собранное вряд ли дойдет до тех, кто в нем нуждается. О византийцах ходили слухи, что даже самые богатые из них не гнушаются никакой мелочью.

На берег англичане снова отказались сойти, несмотря на все заверения и сладкие улыбки. Отметили, что посланник на сей раз был другой, похудее и побойчее, куда лучше болтал на французском, а вот латынь, похоже, знал очень плохо. На просьбы послать все-таки необходимое количество пресной воды он отвечал невнятным бормотанием, улыбкой или делал вид, что не понимает, твердил только, что уж на берегу-то дорогие гости найдут все, что их душе будет угодно. Старался он изо всех сил, так что даже Турнхам, с трудом терпевший безделье на корабле, уверился, что дело нечисто.

Вместе с посланником император отправил на галеру целую шлюпку, груженную бочонками вина, самого лучшего и, похоже, самого крепкого.

– Что он, хочет, чтоб мы перепились тут? – недовольно и озабоченно проворчал Стефан, которому и так-то тяжело стало охранять дареные винные запасы от изнывающих от скуки солдат. Теперь забот прибавилось. Не вышвыривать же, в самом деле, за борт упившегося гвардейца, если их всего-то двадцать человек и каждый на счету? А отправить в море бочки он не решался – все-таки это было вино, прекрасное кипрское вино.

– Может, и так, – отметил его оруженосец, за время похода слегка обнаглевший.

– Зачем это ему понадобилось? – Рыцарь с подозрением взглянул на своего слугу. Не подбирается ли он сам к винному изобилию?

– Посмотрите, граф. – Молодой француз ткнул пальцем.

На берегу деловито мельтешил народ, люди, маленькие, как муравьи, тащили короткие бревна и камни к берегу, громоздили друг на друга, сооружая что-то массивное. На приста-

нях тоже всю шла работа – моряки вытаскивали из-под крыши длинные и низкие гребные суда, возились с ними. На сбитых из огромных бревен накатах, где мастера-корабелы обычно занимались судами, то и дело появлялись люди императора. Правда, разглядеть это было сложно, удавалось не всегда и только самым зорким. Но предательский солнечный свет то и дело отскакивал от полированного металла, выдавая тем самым шлемы и кольчуги стражи.

– Вот не жалко парням своих голов, – пошутил кто-то из английских солдат, несмотря на строгий приказ командора отказывавшихся носить днем шлемы. Какое там – даже надевший на подшлемник, он нагревался так, что голову напекало и появлялось ощущение, что дымитесь мозг.

– Привычные, наверное, – высказался второй. – Вот кому бы воевать в Палестине. Ведь они тоже христиане.

– Какие они христиане! Не признают Папу Римского, и, говорят, как-то по-другому постятся, и праздники иначе справляют. Видно, они настолько беззаконны, что им и до Гроба Господня нет никакого дела.

Жестом Турнхам приказал им молчать. Он думал. Потом с нижней палубы поднялся Дик, тоже с интересом наблюдавший за возней на берегу, и встал сбоку. В отличие от остальных присутствующих он прекрасно понимал, что происходит, но предпочитал промолчать. По крайней мере, пока. Но командир гвардии принцессы Наваррской заметил его и, припомнив, что, кажется, молодой телохранитель сообразителен и неглуп (и думает почти так же, как сам граф), спросил у него:

– Что по этому поводу думаешь ты, рыцарь Уэбо?

– Я думаю, что раз уж император оказал нам гостеприимство и сделал щедрый дар, не стоит разочаровывать его.

– О чем ты говоришь? – нахмурился граф Стефан.

Дик слегка улыбнулся:

– Нам прислали отличное вино, думаю, как раз для того, чтоб устроить небольшой праздник. Отличная идея. Самое время повеселиться, выпить и потанцевать.

До самой ночи на галере пылали факелы, поставленные, впрочем, с опаской, чтоб чего не поджечь, веселились люди, и в свете огней было видно, как они, запрокидывая головы, пьют из больших чаш или баклаг, как пляшут на нижней палубе. Было слышно, как англичане и французы горланят песни на родных языках, хоть и нестройно, но задорно и очень громко – звуки в ночи, да еще над водой разлетались далеко. Верхнюю палубу, куда выходили каюты будущей королевы Английской и вдовы короля Сицилийского, с берега не удавалось разглядеть столь же отчетливо, но и там было светло. На берегу имелось предостаточно мест, где ничего не стоило спрятаться, причем так, что спокойная морская гладь расстилась перед глазами во всю ширь бухты, а самого наблюдателя никто не углядел бы. Тем более что, когда опустилась ночная тьма, даже прятаться не стоило – ночи на Кипре темные.

Солдаты священного императора Исаака Комнина ждали под прикрытием наваленных днем камней и бревен и наблюдали за галерой. Отлично освещенная, она была прекрасной мишенью для бдительного взгляда. Ясно, что там гуляют от души. Молодой офицер, которому было поручено это деликатное дело, еще раз перебрал в памяти все указания стратега. Оставалось только ждать, пока вино окажет свое обычное действие, – как известно, сперва напившийся скачет, как молодой козлик, а потом валится без сил и отключается.

После полуночи темнота сгустилась, и вскоре шум и пение на галере стали затихать. Самый остроглазый из киприотов все поглядывал на освещенный корабль и ухмылялся: парочка, которая начала целоваться на корме галеры, обращенной к берегу, похоже, вот-вот собиралась перейти к интересному продолжению, и прямо на фальшборте. Вот так акробаты!

– Что там такое? – раздраженно спросил офицер, которого начали сердить смешки наблюдателя.

– Наши гости заняты, – солдат фыркнул. – Даже очень. Друг другом.

– Хватит развлекаться подсматриванием! Следи за всем, что происходит на корабле.

– Да, стратиот. Думаю, уже можно начинать.

– Думаешь или отвечаешь головой?

– Отвечаю.

Из прибрежных кустов выдвинулись острые носы лодок. Лодки были длинные и неустойчивые, но зато при должной сноровке гребцов могли двигаться по воде совершенно бесшумно и быстро. Солдаты полезли было на шлюпки, но стратиот остановил их и еще раз осмотрел – никаких значков, никаких цветов императора, никаких клейм на оружии быть не должно. Мало ли как все обернется. Конечно, все было продумано, но случайности бывают разные. Командир был сравнительно молод, ему хотелось отличиться, а потому он старался изо всех сил.

Закончив осмотр, он сделал солдатам знак садиться в лодки и брать весла. Весла были короткие, с широкими лопастями и без уключин. Действовать ими следовало очень осторожно, потому что при любом неверном движении эти узкие шлюпки переворачивались. Зато от первых же точных и согласных взмахов лодки заскользили по спокойному морю с необычайной скоростью, словно в них и не сидело по два десятка мужчин, несущих каждый на плечах не меньше ста фунтов металла. Галера вырастала на глазах, морская вода едва слышно шуршала пеной о борта, брызгала в лицо, освежая тех, кто привык ночью спать, а не тишком брать на abordаж чужое судно.

Наконец корабль навис над головой. «Да это целый дромон¹, – подумал стратиот. – Только бы уцепиться...» Пришлось долго примериваться, на руках подняв самого легкого из солдат так высоко, чтоб он смог ухватиться за фальшборт нижней палубы. Киприот подтянулся и исчез на борту. Вскоре в воду беззвучно шлепнулся конец веревки, которую солдат, конечно, предусмотрительно прихватил с собой. Один за другим воины императора Комнина карабкались по тонкому канату, пытаясь хоть как-то упереться в скользкую веревку подкованными сапогами. Впрочем, они были тренированы настолько, что могли подняться на значительную высоту, действуя одними руками.

Последним через фальшборт перевалил стратиот. Он бдительно огляделся – хоть и передал строгий приказ соблюдать тишину, хоть его люди и старались, но абсолютную тишину солдаты не могут соблюдать при всем желании. Звякает кольчуга, оружие и пояс, постукивают подковки сапог, скрипит дерево борта, о которое кто-то изрядно приложился, пока лез по веревке, да и без ругани никуда. Как известно, люди военные никогда не ругаются, и даже не то чтобы так разговаривают... Просто лишь посредством крепких словечек они способны постигать мир вокруг них.

На расстоянии шага от того места, где через фальшборт перевалил первый солдат, спали двое гребцов. Спали настолько крепко, что на миг командиру показалось, будто они просто мертвы. Но потом разглядел бледную улыбку, гуляющую по лицу одного из них. Должно быть, гребцам нечасто перепадало вино, и теперь в глубинах хмельного сна они видели что-то особенно приятное. Стратиот успокоился. Ну раз уж напоили даже гребцов, хозяева-то, конечно, хмельны не меньше.

– Тишина! – прошипел он так, чтоб подчиненные слышали его, но никто не проснулся. – Слышали? Главное – тишина. Англичан перебить, самых знатных взять в плен. И Господь упаси вас нанести какой-либо вред принцессе и королеве! Этих женщин следует

¹ Большая боевая галера.

захватить живыми и невредимыми. Придворных дам королевы и принцессы тоже не трогайте. Пока. Император непременно отметит ваши заслуги.

Глава 3

А за кормовой надстройкой, всего-то в десятке шагов от киприотов, притаился Дик. Он держал руку на рукояти меча и теперь ждал, когда слуги императора Комнина (в том, что это слуги местного императора, он не сомневался) привяжут и скинут вниз еще пару веревок. Тогда дело пойдет быстрее.

– Конечно, – убеждал накануне Турнхама молодой воин, – можно сразу же выскочить, напугать их и не дать подняться на корабль. Но так мы ничего не узнаем наверняка. К чему же тогда хитрость?

Стефан пожал плечами и осведомился у телохранителя, что же тот предлагает. Дик ответил немедленно:

– Давайте я начну первым. Увидев одного-единственного противника, они только обрадуются.

– А ты смелый, – расхохотался командующий миниатюрной гвардией. – Если выживешь, будешь награжден, это уж как пить дать. Только ни ее высочество, ни ее величество не должны пострадать.

– Я понимаю. Кроме того, люди Комнина, конечно же, отправлены не убивать этих знатных дам, а взять их в плен. Значит, наши цели будут совпадать.

– Хорошо. Действуй.

Приказ доставил Дикю больше удовольствия, чем заботы. Сказать по правде, он устал сидеть без дела.

Прошло уже много лет с тех пор, как он последний раз баловал себя бездельем, очень много лет. Со временем, как известно, вырабатывается прочная привычка, с которой бессмысленно бороться. И теперь ладонь молодого воина чесалась на мече.

Кроме того, он ничего не боялся. От скуки заведя с Серпианой разговор о магии, он обнаружил, что девушка, оказывается, знает об этом искусстве никак не меньше Трагерна, и, самое главное, все ее навыки соответствовали интересам воина куда больше, чем умения друида. Да, друиды просто молодцы там, где нужно поиграть с пространством или даже временем, когда надо вырастить дерево или запутать следы. Но убивать они не умеют, о взятии городов не знают ничего и в военном деле подобны младенцам. Девушка же, как ни странно, имела определенное представление о битвах. Она плохо разбиралась в том, как строить армию перед боем, куда ставить конницу, а куда пехоту и когда надо вводить в действие резерв, но зато ее память сохраняла множество боевых заклинаний.

– Что же ты молчала? – изумился он. – Почему не говорила раньше?

– Тише, не кричи, – спокойно сказала она. – Потому что сперва не знала, кто ты такой и что у тебя за умения, а потом не была уверена, что мои знания тебе пригодятся. Заклинания эти весьма специфичны. Существа моей расы используют магию в обоих обликах, потому формулы особым образом приспособлены. Но, наверное, ты сможешь изменить их для себя.

– Уж наверное.

– Не задирай нос и не думай, что ты уже мастер. Это не так просто, как тебе кажется.

– Знаю, что непросто. Но жить захочешь – придумаешь, как все сделать.

– Согласна, – рассмеялась она. – Мой учитель был бы от тебя в восторге. Кстати, первое боевое заклинание, которое советую тебе составить или перенять у меня, – это «формула удачи».

Он подивился, как ему самому в голову не пришла такая блестящая мысль. Действительно, поединок не всегда гарантировал победу сильнейшему. Да и как определить, кто сильнейший? Кто-то способен руками ломать подковы, кто-то ловок и быстр, кто-то умеет мгновенно соображать, а кого-то обучал великий мастер военного дела. Кто из них победит?

Даже самому неумелому может улыбнуться фортуна, и он внезапно справится с грозным врагом. Переманить на свою сторону капризную деву-удачу – разве это не великая магия?

Оказалось, действительно великая. И сложная. Составить это заклинание ни с первого, ни со второго раза не удалось. Пришлось идти за помощью к невесте. И вот теперь, прячась за углом массивной надстройки (она заключала в себе три довольно большие каюты и маленькую кладовую), Дик прочел, как полагалось, составленную формулу, положив два пальца левой руки на серебряный браслет, на котором в изящной вязи узора можно было рассмотреть свернувшуюся в клубок змею, серп, пучок веток и россыпь рун огама. Как всегда, сперва ощутимо нахлынула сила, так что его с ног до головы пробило потом, потом мгновенно стекла в пальцы, и кончики их заныли от напряжения.

Неприятное ощущение ушло постепенно, но не исчезло смутное чувство, что теперь все вокруг наполнено иным смыслом. Сначала молодой рыцарь даже решил, будто он что-то перепутал, а потом догадался – ему просто кажется. На самом деле изменился не мир, а он и, соответственно, его видение.

Он медленно потянул меч из ножен, следя за тем, чтоб металл не звякнул о металл, отступив на полшага, несколько раз крутанул клинком, чтоб привыкла рука. Отбросил назад прядь волос, упавших на глаза, – шлема он не надел – и решительно вывернул из-за угла.

– Привет-привет, – бросил он, улыбаясь, – Что-то вы позднеенько, к застолью опоздали.

Говорил Дик на французском, не слишком заботясь о том, поняли его или нет. Стратиот сперва онемел от изумления, как, впрочем, и его солдаты, но быстро пришел в себя и сделал знак своим. Два воина тихо стали обходить англичанина слева и справа, им вслед пристроились еще двое. На этот маневр молодой рыцарь смотрел со снисходительной улыбкой.

– Не очень-то вежливо, – заметил он. – А где приветствия, подарки?

Киприот, оказавшийся по правую руку непрошеного хозяина, внезапно бросился на него, выставив перед собой меч. Своей реакцией он гордился и был уверен: англичанин, который как раз смотрел на стратиота, попросту не успеет отреагировать. И очень удивился, когда врага на пути не оказалось, зато в какой-то момент непонятная сила подтолкнула его вверх и далее, за борт, прямо в воду. Дик, конечно, прыжок заметил, пригнулся, подставил плечо и слегка подтолкнул самонадеянного молодого воина. Ноги солдата оторвались от палубных досок, и он без вскрика странной птицей полетел в море.

Ждать, что люди императора придумают в следующий момент, телохранитель короля Ричарда не стал. Солдаты еще провожали изумленными взглядами своего собрата, который вдруг ни с того ни с сего решил искупаться, когда молодой рыцарь напал на правого киприота и ударил его мечом в горло. Клинок рассек позвонки, как масло, и практически отделил голову от тела прежде, чем воин сообразил – надо защищаться. Он и на палубу упал, сохранив в глазах изумление обиженного ни за что ни про что ребенка. Дик увернулся от падающего тела и почти прижался спиной к стене – встал так, чтоб вольготно было сражаться и не ожидать удара сзади.

На этот раз на него бросились скопом, сразу пятером. Дик отреагировал мгновенно. Он действовал мечом с такой легкостью, с какой застоявшаяся лошадка берет с места в галоп. Из-за того, что все пятеро навалились одновременно, куча мала получилась довольно бестолковой. Конечно, в давке молодой рыцарь мог попасть подо что-нибудь острое просто потому, что повезло бы кому-то другому, не ему. Но в этой схватке подобное вряд ли могло произойти. На короткое время именно англичанин стал удачлив. Ему казалось, что как-то особенно прояснилось зрение и вроде бы даже раздвинулся горизонт. Воин теперь подмечал любое движение на грани видения справа и слева. Когда один из киприотов нагнулся, чтоб удобней было подсесть противника, полоснув под колени своим клинком, Дик подпрыгнул и в прыжке хорошо пнул солдата ногой в лицо. Голова откинулась назад, подбородочный ремень лопнул, и шлем покатился по палубе. Слуга императора грохнулся следом.

– Какая сука там шумит? – прозвучал с верхней палубы пьяный и довольно громкий голос. – Кто, хрен узлом, падает у каюты принцессы? Разбудишь же, морда косая!

К этому моменту, поверив, что на корабле совершенно случайно оказался единственный трезвый человек, через фальшборт перебрались почти все, кого отправили захватывать знатных заложниц, – сорок человек. На перегнувшегося через изящные перильца слугу с налитой кровью совершенно хмельной физиономией посмотрели с раздражением, и лучник, ждущий приказов, стоя рядом с накрепко привязанной, до сих пор свисающей в одну из лодок веревкой, поднял короткий греческий лук. Для удобства он слегка откинулся назад, опираясь поясницей на огораживающий брус.

Дик резко выбросил в его сторону руку, складывая пальцы в друидическом знаке отрицания, но вложив в него свою силу, имеющую с природой и лесом самую малую связь. Результат был тот самый, которого молодой рыцарь и ожидал. Больше всего это напоминало удар кулаком, но на расстоянии. Просто воздух на миг обрел твердость тарана и вышиб лучника в море. Лук улетел вслед за ним.

Но на то, чтобы полюбоваться за полетом киприота, времени не было. Молодой рыцарь атаковал одного из солдат, того, что, по его мнению, хуже всего владел оружием, отшвырнул с дороги и ушел вбок, потому что, притиснутый к стене сразу тремя-четырьмя противниками, он стал слишком уязвим. Искушать судьбу не следовало. И в тот момент, когда Дик немного отступил, из-за носовой надстройки галеры появился небольшой, но хорошо вооруженный и экипированный отряд под командованием Стефана Турнхама в золоченом шлеме с красивым гребнем. Для них отступление телохранителя короля стало знаком того, что пора вмешаться.

Стратиот понял все в тот самый момент, как увидел отблеск факельного огня на золотой отделке доспехов командора франков. Он сделал своим людям знак отступать, но держался, как и подобает командиру, сзади, так что большинство солдат разрешения не заметили. Они кинулись вперед, на гвардию галерной охраны.

Турнхам слыл отчаянным рыцарем, поэтому даже сделал несколько выпадов, прежде чем скрылся за спинами своих воинов, теснящихся на узком проходе нижней палубы. Свешивавшийся с верхней палубы слуга, проснувшийся от грохота и звона, в недоумении смотрел вниз. Сперва он не понял, что едва не погиб, но когда второй киприот поднял лук и прицелился ему в лицо, побледнел. Дик, прикончив своего очередного противника, отмахнулся друидическим знаком в сторону лучника. Сбить его за борт он не смог, но лук выбил и ненадолго оглушил. Подскочив ближе, молодой рыцарь ударил его ногой под колено, сшиб на палубу и вторым пинком успокоил надолго.

– Уберись оттуда, – раздраженно крикнул он, подняв голову, и слуга немедленно спрятался.

Дик перехватил меч поудобней и бросился к стратиоту. Вот кого точно надо захватить в плен: если кто-то из нападающих что-нибудь знает, так это именно командир. Киприот почувствовал что-то, развернулся – и мгновенно атаковал сам. Он уже понял, что этот молодой франк – опасный противник и подпускать его близко не стоит. После первых же выпадов, только скрестив меч со стратиотом, молодой рыцарь почувствовал, что слуга императора отлично владеет мечом. Он попытался отеснить противника от фальшборта, но тот не двинулся с места, и его клинок отбивал все попытки Дика приблизиться хотя бы настолько, чтоб стать серьезной угрозой.

Меч у киприота был легкий и слегка изогнутый, не такой, как тяжелые, нормандского типа мечи французов и англичан, и фехтовать им было легче. Но у этого оружия были и слабые стороны. Командир кипрского отряда быстро понял, что ставить прямые и даже скользящие блоки своим мечом против тяжелого клинка франка опасно, поскольку можно запросто лишиться оружия. Он отступил на шаг и поднял щит. Выпады молодого рыцаря он счел

более безопасным принимать на этот большой деревянный круг, укрепленный металлическими полосами. Удар франка стратиот выдержал с трудом. Левая рука заныла, но это было неважно, пока ее еще можно было поднять.

Рубанув раз-другой, Дик быстро убедился в том, что щит слишком крепок и его не сломать. Он догадывался, что, будь у него в руках обычный меч, клинок давно уже затупился бы. Но оружие лорда Мейдаля напоено магией от лезвия до навершия рукояти, сломать его о дерево и даже о железо невозможно. Применить магию, чтоб разбить щит, Дик сперва не сообразил, когда же эта мысль пришла ему в голову, пальцы левой, свободной руки тут же сложились в другой друидический знак, на этот раз воспроизведенный именно так, как учили, – знак, попросту называемый «трещина». Дерево немедленно лопнуло, и силы, которую вложил молодой рыцарь в этот жест, хватило, чтоб разошелся хорошо закаленный металл и съезжилась плотная кожа ремней.

Наверное, киприот удивился, но он был прекрасным воином и привык, что в бою тратить время на удивление никак нельзя. Просто взмахнул рукой, чтоб стряхнуть половинки щита (они отлетели в сторону и попали по шлему франка, нагнувшегося было над убитым киприотом, чтоб сорвать с его плеча серебряную пряжку), и выдернул кинжал. Дик ударил по его левой руке плашмя, лишь чуть-чуть добавив магии. Стратиот вскрикнул от боли и выпустил кинжал, по тыльной стороне его ладони разливалась краснота, такая, какая бывает при ожоге. Не тратя времени, Дик ударил – слегка, чтобы сбить с ног. Он налег всем телом, и, потеряв равновесие, кипрский командир упал. Еще немного магии, и на несколько коротких мгновений стратиоту показалось, что мир вокруг него кружится со все нарастающей скоростью.

Упав на одно колено следом, молодой рыцарь крепко, но точно врезал противнику в основание шеи. Это самое уязвимое место на теле, и убить, попав туда, очень легко. Дик сорвал шлем с поверженного врага и ладонью прикоснулся к виску киприота. Убедившись, что пленник жив, молодой рыцарь неторопливо поднялся на ноги.

Занятый командиром, он упустил из виду основную схватку и, когда встал, обнаружил, что бой закончился, от галеры отчалила одна лодка, где изо всех сил гребли бывшие нападающие, сообразившие, что здесь им ничего не светит. Остальные мертвыми валялись на палубе, выживших вязали и заталкивали в трюм. На пороге каюты стояла, завернувшись в длинный плащ, вдовая королева Иоанна и, ничего не понимая, смотрела на разгоряченных солдат и бездыханные тела. Дик совершенно не удивился, что сестра короля Ричарда проснулась: в то недолгое время, когда на палубе шел бой, грохот стоял такой, что не услышать его было невозможно. Но почему выглянула только Иоанна? Неужели принцессе Беренгере не интересно, кто мешает ей отдыхать? Молодой рыцарь перемахнул через ограждение и подошел к двери каюты. Бывшая королева Сицилии смотрела на него вопросительно.

– Все в порядке, ваше величество, – мягко сказал королевский телохранитель. – Не о чем беспокоиться.

Стоя почти у самого порога, Дик неосознанно заглянул внутрь и заметил темную фигуру, закутанную в длинное полотнище, и сверкающие любопытством глаза невесты короля Ричарда. Ну конечно, принцесса Наваррская просто опасалась выглядывать из каюты и предоставила это своей будущей золовке. Беренгера осмотрительно избегала лезть в мужские дела, особенно военные. Действительно, зачем интересоваться схваткой? Это может быть опасно. Пусть мужчины сами решают свои проблемы. А удовлетворить любопытство будущей королевы Английской сможет молодая вдова.

– Что случилось, рыцарь Уэбо? – спросила Иоанна.

Молодой воин удивился более всего тому, что она запомнила его имя.

– Ваше величество, на нас напал какой-то местный отряд. Но атаку мы отбили.

Бывшая королева Сицилии по-девчоночьи сморщила носик. Она смотрела на Дика со сдержанным интересом.

– Я видела, как вы вступили в схватку один против всех, рыцарь Уэбо. Я очень рада, что вы служите моему брату и суверену.

– Вы видели, ваше величество?

– Через окошко. Мне не спалось. – Она поплотнее завернулась в плащ и скрылась в темноте каюты. Позвучал ее тихий голос, зовущий служанку.

Молодой рыцарь отвернулся и попытался растолкать слугу, спящего у самой двери, чтоб он помог другим прибираться на палубе. Но тот спал без задних ног. На галере и в самом деле весь вечер гуляли, но не господа и солдаты, а слуги и гребцы. Вернее, господа тоже сделали вид, что пьют, но за солдатами наблюдал сам Стефан Турнхам, а о нем все знали – командор шуток не шутит. Если граф пообещал собственноручно утопить в бочке с вином любого пьянчужку, так и будет. Впрочем, солдаты надеялись, что после удачно отбитого нападения им непременно перепадет хоть по баклажке. Они еще не знали, как ошибаются.

Командор приказал отвести в свою каюту захваченного в плен стратиота, который медленно приходил в себя после хорошего удара Дика. Разглядев на палубе телохранителя короля, Турнхам махнул ему рукой:

– Иди сюда, рыцарь. Ты мне будешь нужен. Кстати, ты знаешь кипрский?

– Нет, милорд.

– Называй меня просто командором. Идем. Лишним людям не стоит знать, кто нас атаковал и по чьему приказу.

Стефан сделал знак де Камвиллю, своему помощнику и заместителю, и тот быстро поставил дозоры по обеим палубам, на носу и корме. Наорав на слуг, по его мнению недостаточно проворно убравших мертвые тела (избавлялись от них просто – кидали за борт, предварительно содрав все ценное), французский вассал короля Ричарда поспешил на допрос.

Стратиот запырлся недолго. Да и какой в этом был смысл? Тот самый молодой рыцарь, который начал схватку, по виду совсем незнатный, но, похоже, доверенное лицо командора франков, кратко, но точно воспроизвел план императора и почти все приказы, отданные командиру киприотов. Ошеломленный пленник подтвердил все сказанное Диком, после чего был уведен прочь и заперт в каморке под палубой. Что следует делать с пленными, англичане и сами не знали, решили отложить это на потом.

– Хотелось бы знать, как ты смог так точно угадать, что там задумал этот местный императришка? – поинтересовался де Камвилль. – Кажется, мы убедили нашего пленника, что знали все заранее.

– Догадаться несложно, – ответил Дик, улыбаясь. На самом деле он попросту услышал мысли стратиота, лихорадочно перебиравшего в памяти указания своего господина: Серпиана подсказала ему простейшие приемы, которыми можно разнообразить и упростить заклинания друидов.

– Неплохо, рыцарь Уэбо, неплохо. Что ж, наши предположения подтвердились. Это действительно Комнин. Впрочем, от византийца нечего и ожидать другого. С любым из них надо держать ухо востро. Следует решить, как действовать дальше. У нас всего двадцать человек.

– Семнадцать, – подсказал де Камвилль.

– Если мне будет позволено сказать... – начал Дик и сделал паузу, ожидая согласия командора. Тот кивнул. – Мне кажется, стоит подождать реакции императора. Он наверняка пришлет к нам посланца.

– Я считаю, мы должны сделать вид, что ничего не знаем и не понимаем, – бросил де Камвилль. – Да и зачем что-то придумывать? Пусть Комнин придумывает.

– Придется либо выходить в море, либо ждать.

– Так и поступим, – согласился Турнхам. – Будем ждать, как все повернется. А лодку припрятать. Следующей ночью, Уэбо, ты отправишься на берег. За водой.

– Да, командор.

«Ну естественно, – подумал он, поднимаясь на палубу. – Кого же еще. Я, как всегда, крайний». Но спорить было не о чем. Воды уже сейчас не хватало, а человек, владеющий магией, скорее сможет привезти все, что надо, и не попасться.

Серпиана ждала его в том закутке кормовой рубки, где они ночевали. Она не спала и лежала на тюфячке одетой. Когда она поднялась ему навстречу, он заметил меч, длинный и узкий кончар, тот самый, который купил девушке в Англии.

– Все в порядке, – успокоил он ее.

Девушка посмотрела на него безмятежно и с улыбкой.

– Я прекрасно знаю. Я видела.

– Убери меч.

Она вложил клинок в ножны и подвинулась, чтоб дать Дик у возможность присесть.

– Ты не ранен?

– Нет. Все в порядке.

– Я видела, как ты колдовал. Понравилось, верно?

– Это еще что. Вот научусь швырять огненные бураны, тогда и будет настоящая магия.

– Не сомневаюсь. Дикая у тебя получилась смесь из друидических и боевых заклятий.

– Тише, зайка. Услышат.

– Не услышат. Если кто-нибудь рядом проснется, я это почувствую.

– Раньше ты не могла.

– Раньше все было по-другому. Ко мне только теперь возвращаются все мои возможности.

В каюте было темно, и Дик не видел Серпиану, только слышал ее, но был уверен, что она смотрит на него. Повернулся – ее глаза едва заметно мерцали, ловя отсветы факельного огня наружи.

– Ведь тогда на поле ты оживил меня. Это так?

Он молчал. Вспомнилось поле боя в чужом мире, куда он, ничего еще не умеющий и не знающий даже, на что способен, попал до сих пор непонятным для него образом. Вспомнились бездыханные тела странных существ, необычное оружие и дивной красоты черноволосая девушка с глубокой раной на шее. Что он сделал тогда? Это было сильнейшее чародейство, могущество, о котором большинство искусных магов лишь мечтают. Гвальхир, старый друид, который рассказал ему о его даре, а потом учил его, объяснил, что магическая власть передана ему по наследству. Но тогда, несмотря на все способности, он, Дик Уэбо из Уолсмера, вообще ничего не умел. Как же все это произошло? Как он смог оживить мертвую девушку?

Молодой рыцарь дотронулся до Серпианы. Ее рука, мягкая и теплая, была живой, никаких сомнений. Кто мог бы объяснить, как ему удалось вернуть ей жизнь?

– Ты молчишь? Ты боишься испугать меня?

– Я не знаю, что ответить.

– Расскажи все так, как было.

– Хорошо. – Он вздохнул. – Я нашел тебя на том поле. Ты показалась мне мертвой и такой красивой, что в твою смерть ни за что не хотелось верить. Я обнял тебя и пожелал, чтоб ты была жива. Я никогда ничего так не желал. И ты задышала. Я не понимаю, как это произошло.

Он посмотрел на нее – она улыбалась, и ее глаза искрились нежностью. Девушка прижалась к его плечу и замерла.

– Получается, ты мне как второй родитель. Ты думал, я испугаюсь?

- Если б мне сообщили, что я один раз умирал, мне стало бы не по себе.
- Честно говоря, я уже и сама догадалась.

На следующий день на галере появился очередной посланник, он долго уверял, что император разберется с безобразиями, которые творятся на его острове, когда неизвестно кто смеет нападать на дорогих гостей... Вообще, дорогим гостям следовало бы перебраться под защиту лимассольских стен и имперской гвардии, и тогда никакие бандиты не смогут побеспокоить их...

- Исчерпывающе, – проворчал Турнхам.
- Вполне, – подтвердил де Камвилль.

...Те же из незаконных киприотов, кто посмел напасть на дорогих гостей, но избежал смерти под доблестными мечами благородных франков (посланник-византиец здесь тяжело сглотнул, и его глаза на мгновение остекленели), попали в руки слуг императора и уже во всем сознались. Их целью был грабеж, да-да, самый обычный грабеж. Прискорбно осознавать, но подобное, к сожалению, случается и на счастливом острове Кипре. К сожалению. И для того чтобы сгладить неприятные воспоминания, его императорское величество приносит свои извинения и посылает лакомства со своего стола. Лучшее мясо, пряную рыбу, сыр, вино...

- Опять вино! – простонал де Камвилль.

Стефан многозначительно покосился на Дика, замершего поодаль. Облаченный во все черное, спокойный и равнодушный, он стоял, прислонившись плечом к стене рядом с дверью, ведущей в каюту принцессы Беренгеры. Он держался в стороне, как и положено телохранителю, пусть даже временному. Молодой рыцарь заметил взгляд командора, но никак не отреагировал.

Посланцу ответили в том смысле, что да, конечно, они понимают, как тяжела жизнь и как расплодились бандиты, но на берег все равно не сойдут. И за гостинцы спасибо, но вообще-то они просили пресной воды.

Последнее византиец пропустил мимо ушей, сделав вид, что не понял. Весь разговор шел на довольно витиеватом французском, и не понять элементарного *eau douce*² было невозможно. Все встало на свои места. Лицо Турнхама окаменело, он мрачно взглянул на собеседника, но ничего не сказал. Рыцарь умел промолчать, когда надо, и когда надо – согласиться. Только, наверное, запомнил и, само собой, собирался в будущем найти способ отомстить императору Кипра за то, что счел «унижением».

Дик слушал посланца очень внимательно. Правда, изысканный французский частенько оказывался за пределами его понимания – все-таки для него этот язык не являлся родным, как для де Камвилля, Турнхама и даже короля Ричарда, едва-едва выучившего несколько фраз на английском языке. Впрочем, молодой рыцарь обращал внимание не на сказанное, а на то, о чем слуга Комнина думал. Прежде всего он хотел выяснить, каков будет следующий ход местного правителя и когда он воспоследует, но византиец то ли не знал этого, то ли старательно прятал информацию под ворохом ничего не значащих образов, мелких желаний и страхов. Начинающий маг готов был признать, что его умение влезать в чужое сознание еще несовершенно. Ругать оставалось лишь себя.

От чужих мыслей у молодого рыцаря запершило в горле. Он обернулся к Серпиане, стоящей неподалеку. Она смотрела на него, сразу заметила взгляд и вопросительно подняла бровь. Дик провел в воздухе вертикальную черту. Девушка кивнула – и открыла ему свое сознание.

«Что случилось?» – спросила она мысленно. «Лезу в голову этому смуглому идиоту, но не нахожу того, что мне надо. Может, ты найдешь?» – «А что тебе нужно?» – «Нетрудно

² Пресная вода

догадаться. Я хочу знать, когда и каково будет следующее нападение». – «Посланник может не знать планов императора». – «Но вдруг...»

Девушка едва заметно пожала плечами и, нахмурившись, внимательно посмотрела на посланца. Тот вдруг закашлялся, смуглое лицо побледнело. Серпиана перевела взгляд на жениха.

«Ничего, кроме всеобщей мобилизации на острове. Да, еще об укреплениях на берегу кое-что знает. Но немного». – «Мобилизация?» – Дик озабоченно взглянул на византийца, уже пришедшего в себя, и разорвал контакт. Полученные крохи информации следовало как-то передать Турнхаму, но каким образом? Может, даже кстати будет путешествие на берег за водой. Молодой рыцарь решил, что попытается что-нибудь придумать на месте.

Судя по всему, посланник почувствовал что-то неприятное, он прекратил попытки уговорить франков, отступил назад и у самого фальшборта остался наблюдать за тем, как гребцы передавали на галеру подарки императора. Лакомые яства, надо признать, но опять лишь маленький бочонок пресной воды. На корабле давно иссякли собственные запасы, а того, что содержалось в такой маленькой емкости, не хватило бы даже одним гребцам. А ведь еще есть раненные, и промывать им раны морской водой – жестокое издевательство. Все равно что сыпать соль на язвы.

Подойдя к борту, Дик посмотрел на берег, изгибающийся серпом. В середине серпа белели стены и крыши Лимассола, большого торгового города, а над ним, на скалах, чуть справа, поднимался замок Лимассол. Мощные, хоть и довольно приземистые стены, узкие бойницы, башенки и донжон, вокруг густая листва цветущих рощ. Наверное, именно там живет император. И от города, и от замка лучше держаться подальше. Значит, пристать следует левее города, в зарослях ив. Там в кустах можно спрятать лодку.

Перед отправлением следовало немного поспать, ведь прошлой ночью он почти не сомкнул глаз. Теперь от усталости его слегка познабливало, хотелось поплотнее закутаться в шерстяной плащ, хоть солнце и жарило изо всех сил. Молодой рыцарь добрался до своего тюфяка, повалился и почти сразу отключился, едва успев сказать своей спутнице:

– Разбуди меня на закате.

– Я пойду с тобой, можно? – быстро спросила девушка, но он уже не слышал.

К вечеру приготовили лодку и погрузили на нее три бочонка, небольшие, чтоб их мог поднять мужчина, но достаточно вместительные. Лодку отогнали к носовой части, чтоб ее было не видно с берега. Серпиана с трудом растолкала спутника, когда солнце ушло за горизонт и быстро сгустилась темнота – пошатываясь со сна, он выбрался на палубу, пропустил мимо ушей последние наставления Стефана Турнхама, который счел нужным сам отдать все распоряжения. Дик гораздо лучше представлял себе, как именно он будет поступать на берегу.

– Так ты берешь меня с собой? – негромко спросила его Серпиана.

– С чего это?

– Я тебя спрашивала, ты промолчал. Я решила, что это «да».

– Ничего не помню.

– Но тебе же понадобится моя помощь.

Дик, спускаясь в лодку, задержался на небольшой веревочной лестнице, сброшенной вниз.

– Почему ты так хочешь на берег? – спросил он, улыбаясь.

– Честно говоря, мечтаю помыться. Хотя бы в каком-нибудь ключе.

Он фыркнул и сделал приглашающий жест рукой.

– Забирайся.

Турнхаму сообщили, что рыцарь Уэбо зачем-то взял с собой женщину, когда лодка уже отчалила. Командор рванулся было, но оказалось поздно. Стефан лишь головой пока-

чал. Рыцарь молод, сразу видно, что думает не о деле, а о развлечениях. Если только он не выполнит то, что ему велено, он об этом пожалеет.

Дик оглянулся – Турнхам делал ему знак плыть обратно. Он отвернулся и налег на весла, словно и не видел жестов командора. Серпиана, усевшаяся на кормовой скамье, неторопливо вылезала из платья.

– Не слишком ли вызывающе? – спросил, усмехаясь, молодой рыцарь.

Девушка тоже заулыбалась. Под платьем у нее обнаружилась серая рубашка со шнуровкой и узкие штаны. Ни меча, ни кинжала, но Дик-то знал, что его спутница всегда хранит оружие при себе, причем незримо, хоть и не понимал, каким образом это возможно. Серпиана свернула платье и ногой запихнула его под скамью.

– Так мне нравится значительно больше, – призналась она.

Молодой рыцарь греб, то и дело оглядываясь. В темноте берега почти не было видно, но он чувствовал приближение земли.

Глава 4

Лодку удалось спрятать в зарослях, бочонки Дик для удобства закатил под большой куст и поставил торчком. Серпиана, как только оказалась меж деревьев, тут же исчезла, и, даже не слыша шуршания, молодой воин не сомневался, что она где-то здесь охотится в своем змеином облике. Телохранитель короля завязал перевязь и поправил ножны – меч он снимал на то время, пока орудовал веслами, и теперь был готов к любой неожиданности.

Сперва предстояло все разведать. Он не был охотником, не умел ходить по лесу бесшумно, но старался. И теперь сухая листва и мелкие веточки, которые в роще густо усыпали почву, лишь едва хрустели под его подошвами. Что-то возникло у него за спиной, он развернулся, хватаясь за кинжал, но это была всего лишь Серпиана с кровью на губах и в пушинках, прилипших к одежде и волосам. Тыльной стороной ладони она отерла рот.

– Я бы на твоём месте составила заклинание бесшумной ходьбы, – посоветовала она озабоченно. – Подсказать формулу?

– Не надо. Я могу и сам.

– Ты бы попробовал поискать Трагерна. Я чувствую, он где-то не очень далеко.

– Чувствуешь? Раз он в Лимассоле, это совсем не странно.

– Нет, не в замке, то-то и оно. Особенный запах, который на этот раз не перебивает камень.

– Так ты друидов отгадываешь по запаху? – весело изумился Дик.

– Не совсем. Скорей по вкусу. У их силы особенный привкус.

Он не мог понять, шутит ли его спутница или говорит серьезно.

– Ты что, когда-нибудь пробовала друида на вкус?

Девушка посмотрела на молодого рыцаря сердито, как промокший и оттого нахохленный соколенок.

– Да, пробовала. Кусала один раз. Незабываемое ощущение.

– Наверное, он удивился, – ответил ошеломленный Дик.

– Не то слово.

Молодой рыцарь, еще и не слишком искусный маг, был принужден сперва сосредоточиться и лишь потом входить в то особенное состояние, которое давало ему магическое виденье мира. Воздух сразу стал густым, он дрожал, словно накаленный солнцем, и рыцарь даже ощущал его сопротивление. Дик поднял голову – они стояли у подножия той самой горы, над которой, еще глядя с галеры, видели султан чисто-белой энергии, не запятнанной никаким вмешательством, могучей и естественной. Эта сила клубилась на вершине и бледным маревом спускалась по склону, вливалась в жилы молодого мага, словно свежая кровь. Он чувствовал, как сильно закололо кончики пальцев. Браслет на его запястье вспыхнул лунным светом, нагрелся и, кажется, даже стал видим обычным взглядом.

Спутница изумленно и даже немного испуганно смотрела на него.

– Я никогда не думала, – сказала она, – что могут быть такие мощные медиумы. Ты же впитываешь энергию, как губка. Наверное, столько же сможешь и передать. Интересно, может ли мощный медиум быть хорошим магом?

– Мощный кто? – Дик сложил пальцы в магический знак и попытался почувствовать близкое присутствие Трагерна.

– Неважно... Что ты делаешь? Это же знак зова! Друидический знак! Сейчас сюда бежит все окрестное зверье!

– Разве что кошки. Какое иное крупное зверье подойдет к столь сильному источнику магической силы?

– Только диких кошек нам не хватало...

– Ты спишь?

Перед внутренним взором молодого рыцаря возник Трагерн – встрепанный, похудевший, изо всех сил вжимающий ладони в ствол дерева. Похоже, ему было непросто – на висках капли пота, на лбу тоже, глаза закрыты, губы сжаты.

– Нет, не сплю, – отозвался Дик. – Все пытаюсь с тобой связаться.

– Ты где? Ты жив?

– Нет. Именно потому и разговариваю с тобой.

– Прекрати потешаться!

– Тогда прекрати задавать дурацкие вопросы.

– Э-э... Да.

– Где ты сам-то находишься? Вроде же был в плену, в Лимассоле.

– Ты и это знаешь? Хорошо. Все так и было, сидели в одной камере вдесятером. Ну вот, этим вечером Эддли устроил драку с охранником, понятно, набежали помощники с обеих сторон, ребята изрядно поколотили пятерых охранников... Ну вот, и я здесь. Правда, сбежать смогли только четверо.

– Кто, кроме тебя, еще сбежал?

– Из всех троих я знаю только Джорджа.

– Что ж, неважно. Главное, что он жив, – обрадовался Дик. – И на свободе. Ну и хорошо. Так где ты?

– В лесу, конечно. Где бы еще я смог найти достаточно силы, раз уж мой посох накрылся? Лес у подножия горы, необычной горы, над которой эдакий мощный магический источник!..

– Черт, – выругался рыцарь, разрывая контакт. – Сейчас окажется, что этот дурень находится на соседней полянке.

– А что в этом плохого? – удивилась Серпиана.

– Ничего. Вот только искать кого-то при помощи магии, если он на расстоянии окрика...

– Да-да, почти все равно, что стрелять из лука по мошке, – улыбаясь, согласилась девушка.

Он усмехнулся и направился в лес напролом через кусты, не глядя под ноги, – должно быть, магия этого места позволяла ему теперь видеть в темноте так ясно, словно на дворе стоял полдень.

Трагерн действительно обнаружился поблизости – он сосредоточенно вглядывался в древесную кору и шептал какие-то заклинания, пытаясь то ли возобновить ментальный контакт, то ли просто понять, отчего прервался прежний. Но из-за нервозности друида у него ничего не получалось. Кроме того, стоял он не возле дуба, как требовалось, а возле олеандра. Дуб и так-то дерево друидов, так еще и (как Дик помнил из пояснений Гвальхира) необходимый компонент заклинаний при поиске кого-либо. Трагерн смотрел только прямо перед собой, так что вышедшего из-за дерева друга он не увидел. Понятное дело, ведь тот был одет во все черное, и в темноте...

– Эй, друид, ты, кажется, ошибся деревом!

Ученик Гвальхира, впервые в жизни изумив Дика своей стремительностью, развернулся и выставил перед собой меч. Рука немного подрагивала.

Молодой рыцарь любезно показал раскрытые ладони.

– Видишь, я не собираюсь тебя бить, – сказал он, улыбаясь. – Но, может, стоит?

– Ты?! Куда ты делся, а? Я с таким трудом с тобой связался, а ты!..

– С чего это твой посох накрылся? Можешь мне объяснить?

– Во время шторма, в море.

– Зачем тебе в море понадобился посох?

– Тебя хотел спасти! – огрызнулся ученик друидов. – Зря, как вижу.

– Правильно, зря. Меня прекрасно спасла Серпиана. И что ты теперь собираешься делать без посоха?

– Буду новый создавать. Что тут еще придумаешь?

Из гуши фригановой листвы медленно выступила девушка, в отличие от своего жениха она передвигалась по лесу с завидной бесшумностью.

– Если мы хотим вернуться на борт до восхода, стоит прямо сейчас начать искать воду, – сказала она, коснувшись плеча Дика.

– Да, кстати, что вы здесь делаете? – спохватился Трагерн.

– Ты неподражаем со своими замечательными вопросами. Нас отправили за водой. На галере мало воды. Надо торопиться, потом будет труднее незаметно вернуться.

– Но мне же нужно сделать новый посох! – возмутился ученик Гвальхира. – Где, интересно, еще я смогу его восстановить, как не на таком мощном источнике?

– Так иди и делай. Я что, держу тебя?

– Я туда один не потащусь.

– Зачем тебе мы? Я, например, не друид, в ваших посохах ничего не понимаю.

Молодой друид вдруг смутился, опустил глаза, и за него неожиданно ответила Серпиана:

– Ты нужен ему, чтоб совладать с мощью источника. Друидам сложно иметь дело с таким обилием магической силы в одном месте, они легче справляются с задачей вытягивать ее по крупницам из окружающего мира... Я верно говорю?

Трагерн невнятно пробурчал что-то в землю, и его бурчание звучало как согласие.

– А ты, – безжалостно продолжила девушка, повернув голову к Уэбо, – потенциальный маг с необычайными способностями. Как раз для тебя-то безопасней, чем для кого-либо еще, иметь дело с таким источником.

– Я согласен со всем, кроме определения «потенциальный». Чем я не маг?

Она улыбнулась, но не ответила.

– Трагерн, это так?

– Да так, так. И что с того? У нас, как в любой стоящей паре путешественников, один думает – это я, а другой кулаками машет – это ты.

– Сейчас я махну кулаком-то!

– Не ссорьтесь. – Серпиана сдвинула брови. – Мириться за пивом все равно нигде. Я думаю, Трагерн, ты и сам все понимаешь. Не огорчайся. Источник никуда не денется. Сделаешь свой посох позже.

– Да ты представляешь, как я себя чувствую без него? – взбеленился ученик старого друида. – Просто как без рук! Интересно, как бы ты чувствовала себя без хвоста?

Девушка смотрела на него холодно, и, пожалуй, впервые на памяти Дика это был подлинно змеиный, гипнотизирующе неподвижный взгляд. В какой-то момент он понял, что подобная холодность и неподвижность – скорее всего проявление настоящей ярости. Просто прежде он никогда не видел ее в состоянии негодования.

– Я хвостом не колдую! Тебе не следовало привязывать свою магию к артефакту, – сказала она с долей надменности. – Ты превратил посох в подобие своих рук – сам виноват. Теперь ходи безруким.

– Не надо ссориться, – решительно вмешался Дик. – Трагерн, ты прекрасно понимаешь, что наше время ограничено. Пока поживи без посоха. Серпиана, ты все-таки не друид и в их магии не смыслишь. Поэтому лучше помолчи.

– Любая проблема, в том числе и со временем, прекрасно решается, – заявил ученик друидов. – Время, между прочим, можно остановить. При таком мощном источнике это будет не так сложно. Если б только ты, Дик, решился взяться за это дело.

– Останавливать время?

Серпиана вздохнула и покачала головой.

– Я не советовала бы тебе это делать, – сказала она, обращаясь почему-то к Трагерну.

– Это почему?

– Вспомни происшествие с водой из грозового облачка. Что тебе тогда сказал наставник?

Ученик Гвальхира побагровел. Видимо, неприятные воспоминания были еще свежи.

– При чем тут мой наставник? Здесь магический источник, понимаешь? Источник! Такому опытному знатоку магии, как ты, иномирянка, стыдно не знать, что любое, самое масштабное магическое действие будет на его фоне совершенно незаметно!

– Такой опытный и знающий друид, как ты, не может не знать всей специфики магических источников. В таком случае ты способен понять и то, на что я намекаю. Впрочем, дело ваше. Пойду-ка я по воду, а вы уж сами решайте, чем займетесь.

И девушка растворилась в темноте. Все это произошло мгновенно и бесшумно, так что Дику показалось, будто она просто исчезла. Возможно, сменила облик и уползла на поиски ключевой воды.

Над землей плыла ночь, небо, темное до аспидно-синего, исколотое мириадами звездных искр, дышало сладостным ветром, земля нежилась в волнах приятной прохлады. Отцвели апельсиновые рощи и вишневые деревья, осыпанные желто-серебристым и розовым, словно, кроме цветов, на ветках ничего и не было. В темноте они казались полупрозрачными, размытыми тенями, маревом красоты и аромата.

– Что она имела в виду? – озабоченно спросил Дик.

Трагерн дернул плечом – он был зол и нервничал, возможно оттого, что спорил, может потому, что без посоха ему и в самом деле было очень неудобно.

– Видимо, то, что остановить время нелегко. Ну еще и то, что подобное действие может быть заметно. Но это сомнительно. Все-таки источник, и мощный...

– Сомнительно или точно?

– Послушай, Ричард, ты понимаешь, что Серпиана родом из мира, где все источники под присмотром, даже под контролем, где подобное действие сразу будет заметно. У нас за этим никто не следит.

Молодой рыцарь задумался. Говоря по правде, он не поверил Трагерну. Парень, конечно, неплохой друид, он ловок и довольно опытен (шутка ли сказать, ему полвека, хоть и выглядит на двадцать), но слишком часто попадает впросак. Так что, как всегда, лучше думать своей головой. А самое опасное что? Верно, Далхан Рэил и его подручные. Найдет он Дика или нет – вот что важно.

Но рано или поздно это обязательно произойдет. Как ни крутись, ты все равно встретишься со своими врагами. И никакие заверения Гвальхира не помогут. Молодого рыцаря до ноющей боли в затылке донимала неизвестность. Если враг не преследует тебя, не наступает на пятки, разумного человека это не очень успокаивает. Почему? Да очень просто – откуда тебе в таком случае знать, что он затевает? Каждую минуту ждешь удара в спину. Старый друид говорил, что обнаружить Дика посреди войска, направляющегося в бой или тем более принимающего в нем участие, практически невозможно. Но, как бы там ни было, слуга Далхана умудрился отыскать молодого воина и мага в армии, воюющей на Сицилии.

Значит, и сам Рэил сможет сделать это. И какая разница, когда и где это случится? Огромная, потому что Дик будет знать, чего ожидать, и должным образом приготовится. Избегнуть еще одного поединка с этим сатанистом все равно не получится, что телохранитель короля ясно чувствовал. Смутная мысль зашевелилась в сознании молодого рыцаря, она противоречила его уверенности, будто вызвать Далхана на действие – удачная идея. Сомнения тревожили его, как камешки в сапоге.

Он отбросил их, не осознавая, что на самом деле просто желает узнать предел своих возможностей, и все, что противоречит готовности рискнуть ради этого, отвергается. Дик хотел понять, почему и как он сумел спасти жизнь своей возлюбленной на поле боя – точнее, как сумел вернуть ее к жизни. Сможет ли он при необходимости повторить это? Любовь, которую он ощутил лишь недавно, опутала его по рукам и ногам, это были радостные пути, и он желал быть уверен, что они никуда не денутся.

Серпиана назвала его медиумом. Что бы это ни было, вряд ли это означает величие истинного мага. Дик и сам не знал, зачем ему признание окружающих, что он – великий маг. Прежде самым главным он считал искусство воина. Что ж, должно быть, корнуоллскому бастарду короля Ричарда просто хотелось власти, не так уж важно какой, но желательно всеобъемлющей и запредельной... Он улыбнулся сам себе. Все и так, и не так.

Но доступной ему силой он должен овладеть во что бы то ни стало. Потребовалось всего полтора года, чтобы Дик согласился в этом со стариком Гвальхиром. Но раз так, то надо бы попробовать себя и в такой сложной и искусной магии, как магия времени. В Озерном крае, в поселении друидов, он нашел немало книг, посвященных самой сложной и тонкой магии. Друиды, работавшие с природной, лесной магией, были искусными во всем, что имеет отношение к пространству и времени. Они и выжили-то потому, что ушли в свое время подальше от бдительных глаз церковников. Друиды и прежде прятались – они не воины, а хранители, так они себя называли.

И сложная магия времени потому не давалась им теперь, что в энергии, необходимой для подобных заклинаний, давно ощущался серьезный недостаток.

Но не здесь, не на этой горе.

Молодой рыцарь задрал голову и посмотрел на вершину горы, напоминающей вулкан, только без дыма, грохота и серного дождя.

– Идем, – сказал он. – Только скорее. Времени в обрез.

– Идем. – Трагерн воспрял духом.

– Ты можешь сократить путь на вершину?

Ученик Гвальхира с сомнением покосился на спутника, а потом – на роскошный султан энергии над вершиной.

– Боюсь, это будет слишком рискованно.

– Ты даже не хочешь попытаться?

– Да я могу, конечно. Но где гарантия, что из лесного коридора мы выйдем на вершину этой горы, а не куда-нибудь в иной мир?

– Делай.

Покачав головой, Трагерн указал пальцем на дрожащее марево выше по склону.

– Гора довольно пологая, – медленно добавил Дик. – Но до вершины будем карабкаться до полудня следующего дня. Или ты сократишь путь – или мы возвращаемся.

Молодой друид нахмурился, вглядываясь лицо спутника, но скоро убедился, что рыцарь не шутит. Все серьезно, и лучше не спорить.

Он снял с пальца кольцо, которого пару мгновений назад на руке еще не было. Казалось, украшение целиком состоит из ажурного орнамента. Трагерн ловко снял камень и сделал что-то, в результате чего ажурный ободок рассыпался мелкими звеньшками и вытянулся в цепочку, такую тонкую, каких прежде Дику не доводилось видеть. Потерев ее меж ладонями, друид бросил драгоценное изделие в траву.

У их ног меж листьев папоротника, похожих на огромные перья, легла лунная полоска – поперек, преграждая путь.

Молодой друид вынул из-за кушака золотой серп. Не такой уж большой, в два раза меньше, чем крестьянский, которым женщины жнут пшеницу, но даже при этом (Дик готов был спорить на что угодно) ясно – такую вещь не спрячешь за кушаком. Красивая вещица,

сразу видно – чистое литое золото, изящная магическая игрушка, инкрустированная мелкими кусочками зеленой бирюзы и украшенная узором из рун огама. Трагерн неуверенно взвесил на ладони друидический артефакт, словно прикидывая, на сколько унций он потянет, а потом вдруг вцепился в локоть Дика. Взмахнул правой рукой – дугообразная полоса серпа взвилась в воздух – и резко дернул спутника на себя.

В лицо молодому рыцарю ударил сильный ветер. Порыв был так резок, что телохранитель короля пошатнулся. Он стоял на вершине горы, на краю обрыва, на камне, нависающем над крутым склоном, спускающимся к морю, словно неровно обрезанный ножом брусок масла. Так высоко, что, наверное, даже если бы уже вошло солнце, прибоя было бы не видно, шипения волн не слышно. Он раскинул руки, словно пытаясь схватиться за что-нибудь, – первая реакция человека, внезапно оказавшегося на краю, – и удержался, наверное, только потому, что не видел склона, только чувствовал его. За спиной Дика зашипел Трагерн, он схватил спутника за пояс, и молодой рыцарь сразу почувствовал опору – так сильна была хватка. Переступил подкованными сапогами – вниз запрыгали мелкие камушки, тревожа мох, кустики травы и другие камни.

– Извини, – проворчал ученик друида. Он был красен и тяжело дышал. – Извини. Ну, впрочем, я предупреждал...

– Шипишь, как змея. – Молодой воин, обернувшись, рассматривал магический источник.

Пришлось подняться по склону, чтоб рассмотреть его ближе. На вершине обнаружилась неглубокая выемка размером с чан для купания, только гораздо более плоская. Ровный круг, пологие края, внутри – ни растений, ни камней, только мелкий песок. Кроме того, невидимая физическим взглядом, но отчетливая для магического, в выемке плескалась вода. Очень странная.

А над ней клубилась Сила. Такого напора Дик не испытывал даже в уэльской пещере над родником. Он, не оглядываясь и не размыкая губ, спросил ученика друидов:

– И что теперь?

Он видел лицо Трагерна, хотя «смотрел» на него затылком. Напряженное, обострившееся лицо. Друид не ответил, но смысл того, о чем он подумал, натянутой струной звенел в воздухе: «Делай то, что считаешь нужным».

Дик подошел, опустился на одно колено и попытался зачерпнуть воды.

Зачерпнул.

Она с тихим шипением испарялась у него на пальцах. Наверное, звук только чудился ему – просто потому, что беззвучие окружающего мира томило и угнетало. Сперва рыцарь-маг ничего не почувствовал, потом все тело наполнилось жаром, от которого на коже выступил пот. На миг кровь в его жилах сменилась кипятком, наверное, даже раскаленным металлом, и ему показалось, что он тает изнутри. Раствориться в потоке силы было так сладостно, как это бывает только в любовном экстазе, в самом конце, когда каждая клеточка обессиленного тела ноет от наслаждения. Зачем сопротивляться? Перед внутренним взором открылось разом с полсотни картин его жизни.

Зачем сопротивляться воле отчима? Он готовит тебя к роли священника – стань священником. Передумал? Хорошо, будь воином. Наемником. Зачем спорить? Сделай, как он хочет.

Зачем спорить с герцогом? Проще сделать, как велит. Зачем позволять жалости проникнуть в сердце? Крестьяне сами виноваты, что не уплатили подать вовремя, теперь расплатятся всем своим имуществом. Поздно валяться в ногах, плакать и просить. Пустьдохнут с голоду, какое тебе дело?

Зачем отвергать прелестную Альенор, если сама лезет в постель? Она так свежа и прекрасна... А рога Йорка – это его личное дело. Зачем помнить о чести – куда приятней творить, что в голову взбредет, приятней и легче...

Не думать о расплате.

«Не для меня», – беззвучно ответил Дик.

Ты поступал так, верно? Именно так, как сейчас видишь. Ты покорялся обстоятельствам, потому что один в поле не воин. Нельзя быть не таким, как все.

Я был не прав. Я раскаиваюсь.

Но сказанное правда. Человеку надо быть как все.

Неправда. Человеку надо быть собой. Я должен нести ответственность за свой выбор, и я буду делать это. Я могу быть сильней толпы.

Зачем? Это так утомительно. Это так опасно...

Я – воин. Я не желаю отступать. Я не буду отступать. Я буду собой. Я буду сам по себе.

Он растворился в магической энергии и воплотился вновь. Лишь потом он понял, что какое-то мгновение существовал лишь в форме мысли. Кипяток в жилах стал льдом, и Дик с ужасом и восторгом ощутил все свое страдающее тело до последней косточки, до волоска. Он понял, что оказался сильнее магической мощи источника, не позволил поглотить себя и потому сам стал господином.

Мышцы ныли, словно целые сутки корнуоллец, не жалея себя, тренировался с мечом или таскал бревна. Голова была ясной, мысли – прозрачными, как воды горного ключа, зрение стало острым до противоестественности. Не хуже орла рыцарь-маг видел в долине каждую мелочь, листья и цветки апельсиновых деревьев, коряги у ручейка, хотя темноте, царившей в ночи, еще не пришло время рассеиваться или хоть побледнеть. Он чувствовал источник магической силы и сплетающиеся вокруг него каналы, которые пульсировали, словно вены в человеческом теле, приводя в движение энергию – кровь земли. Он видел, что в выемке, перед которой он стоял, клубилось бледным дымом и скручивалось веретеном нечто иное, совсем чужое и в то же время очень знакомое пространство, напоенное магией.

Этот стержень пронизывал Землю насквозь, достигая той оси, вокруг которой она вертелась; дотянувшись до точки приложения, Дик мягко, но решительно остановил этот вечный бег. Ему казалось, он слышит, как скрипит старушка-Земля, замирая в пространстве, неизмеримом по глубине, и там, за гранью понимания и видения, тоже что-то есть... Корнуоллец понял, что уходить сознанием так далеко не следует, и с осязательным трудом вернулся мыслями к магическому источнику у своих ног.

Ветра больше не было, смолкли шорох листьев и шум моря вдалеке, только легкий, едва различимый звон тревожил тишину. Он напоминал звук десятка колокольчиков, раскачиваемых сквозняком, звук, долетающий издалека. «Надзвездные сферы, – почему-то пришло в голову Дика. Слова, которые он то ли читал, то ли слышал, пока учился у друидов. – Ведь именно их я видел только что... Может, это песня звезд?» Он обернулся к Трагерну, замершему с округлившимися глазами.

– Как это неудобно, – тут же сказал ученик друида, словно пришел в себя под взглядом спутника. – Уши закладывает.

– Ты уже понял, что произошло?

– Да, я видел, что ты сделал. К твоей бы мощи немного умения – ты был бы самым великим магом Миров!

– А я не умею?..

– Если б ты хоть немного умел и знал, не задавал бы подобного вопроса... Да, теперь я понимаю, зачем ты нужен Далхану!

В ответ на этот странный комплимент молодой рыцарь лишь пожал плечами.

Он начал понимать, что именно имела в виду Серпиана, когда намекала на опасность. Теперь его внимание, его магия и отзвук его присутствия накрывает собой весь остров. Он – настоящий господин Кипра, с которым не сравниться какому-то там Исааку Комнину. При желании он, никому не известный бастард короля Ричарда, может сотворить с этой землей и людьми, населяющими ее, что угодно, но, разумеется, и увидеть, и почувствовать, и узнать его сможет любой маг средней руки. Что уж говорить о Далхане Рэил, таком могущественном враге, который его ищет.

Только вряд ли Рэил нападет на молодого рыцаря сразу же, не выжидая. Корнуоллец ощущал себя неправдоподобно сильным и решил, что, должно быть, Далхан подождет, пока предполагаемая жертва уберется с источника и станет куда беззащитней. А пока у Дика есть уйма возможностей пользоваться своей силой. Например, взять и победить в войне... Так, что за война? Королевский телохранитель внезапно понял, что смотрит в будущее. В лимассольской долине шла битва. Он присмотрелся. Ну конечно, вот стяги короля Английского, его воины, его корабли. Вот лучники обстреливают бойницы замка Лимассол, стоит только кому-нибудь оттуда высунуться. Его величество, конечно, пожелает отомстить местному императришке за неподобающее обращение со своей невестой и сестрой.

А Дик сможет помочь ему в этом. Замечательная идея!.. Он горько усмехнулся. Конечно, стоит только применить какую-нибудь мощную магию – и окажешься под бдительным присмотром церковников. Неизвестно, сожгут ли его на костре, побьют камнями или проткнут парой осиновых кольев – неважно, все это одинаково больно. Люди боятся того, чего не понимают, и магу среди непривычных к столь удивительным способностям соотечественников будет тяжело.

Простым, неискушенным людям он мог бы отвести глаза, чтоб им показалось, будто никакой магии и не было, но церковникам... Это попросту невозможно, об этом говорили друиды, это понимает и сам Дик. Особая сила, которую дает служителям Церкви их сан и их вера (если она искренна), охраняет их от магии.

Трагерн осторожно тронул спутника за плечо:

- Если ты не против, стоило бы начать.
- Начинай, я-то тебе зачем?
- Мне нужно твое разрешение.
- Разрешаю, – улыбнулся Дик.

Молодой друид опасливо опустил пальцы в воду, плещущуюся в выемке. Она заволновалась от его прикосновения, начала парить, белесое марево завивалось вокруг его кисти, словно хотело замкнуть запястье в дымный браслет. Ученик Гвальхира сделал рукой жест, показавшийся рыцарю знакомым. Наблюдая за его действиями, он вспомнил Серпиану... Почему?

Он и сам недоумевал, пока не заметил, как под пальцами Трагерна закружилось что-то темное, и друид стал медленно поднимать руку. Вернее, казалось, что это молодой дубок, растущий прямо из воды, толкает его ладонь вверх. Конечно! Именно так девушка-змея создавала свой лук перед схваткой в уэльской пещере. Вернее, не создавала, а извлекала из глубины магического подпространства, где хранила – так она потом объясняла. Но здесь-то друид именно создавал предмет. Вернее, не предмет. Он растил дерево.

Сперва дубок был низенький, но крепенький, как младенец-бутуз, с коренастым стволиком и тоненькими веточками. Он даже зазеленел – выпустил мелкие резные листочки, почему-то полупрозрачные. Потом деревце стало размером с Трагерна, и этот дубок усыпали мелкие завязи будущих желудей, а нижние ветки раздалились в толщину, как ручейки, и стали узловатыми. Ученик Гвальхира схватился за вершину дубка, сминая листики, и, словно вылепленная, появилась замысловатая фигурка – змея, держащая в зубах лохматую омелу, – наверное, подходящее навершие для посоха.

Молодой друид провел рукой вниз, с тонким звоном осыпались листья – они гасли, как светляки, не долетая до волшебной воды, упали ветви, и Трагерн извлек из воды длинный посох, отделанный резьбой. Дик видел, как он сияет бледной зеленью с оттенками синего, никакого труда не стоило опознать друидический артефакт. Интенсивность ауры говорила о мощи, а ровный оттенок света намекал на простоту положенного на посох заклинания. Что ж, зачастую самые простые заклинания – самые надежные. Любуясь замысловато искрящимся артефактом, корнуоллец вспомнил слова Гвальхира: «У юноши огромное чутье на энергию» – и заочно согласился.

– Готово? – спросил Дик, улыбаясь.

Трагерн поднял посох над головой, и друидический символ исчез, словно его и не было.

– Твоя очередь открывать путь к подножию горы.

Источник, занимающий, как казалось, так мало места на вершине, на самом деле пронизывал всю гору, накрывал половину долины Лимассол и часть моря. Все это было его пространством. Молодому рыцарю-магу не стоило никакого труда переместить их к ручью, который сверху показался ему самым удобным для того, чтоб по нему дойти до берега и наполнить пресной водой бочонки. Потянув за собой друида, Дик шагнул на берег ручья – и едва не сбил с ног Серпиану, нагнувшуюся над водой. В последний момент, обернувшись змеей, девушка метнулась в сторону и раздраженно свернулась тугой пружиной, словно кобра, готовящаяся укусить. Корнуоллец машинально отпрянул.

– Тише. – Он поднял руки. – Тише, это я...

Лицо у королевского телохранителя было растерянное – поняв, на что способен источник, он решил, будто теперь чувствует все, что происходит на «его территории». Но почему же тогда не почувствовал, куда перемещается?

Серпиана поднялась с земли, оправляя одежду. Она хмурилась.

– Неудивительно, – ответила она, должно быть, услышав его мысли. – Ни на меня, ни на моих родичей никакая твоя магия не окажет воздействия.

– Да? Почему?

– Я тебе потом объясню... Так что же? Вы наигрались? Теперь можно приставить вас к работе? Я не собираюсь сама таскать бочонки.

– Правильно, я тебе и не позволю. Трагерн, берись вот за тот бочонок. Ничего, ничего... Отправишься с нами. – Дик ненадолго задумался. – Неплохо бы как-то дать знать Эдди, чтоб он добирался до галеры.

Глава 5

В течение следующих дней настроение Стефана Турнхама все больше и больше портилось. обстоятельный рассказ молодого оруженосца, привезенного рыцарем Уэбо, расставил все точки над «і», и первого же посланника коварного императора Комнина графу захотелось выкинуть за борт. Но он сдержался, выслушал грека с вежливой улыбкой, от которой судорогой сводило скулы, и отправил восвояси с прежним ответом – «нет».

А уже через день стало ясно, что привезенные три бочонка с водой – это, конечно, прекрасно, но очень уж мало. На галере было пятнадцать банок, на каждой из которых сидели по двое гребцов, то есть шестьдесят человек на смену. Всех их надо было поить. И даже если судьба гребцов – по большей части пленников, почти рабов – рыцарей почти не занимала, то о двух знатных дамах, их придворных и, конечно, о самих себе следовало непременно позаботиться. Но солдаты императора быстро возвели вдоль берега укрепления, невысокие, но превратившиеся в серьезное препятствие для возможной высадки на берег. Это было настолько очевидно, что Турнхам даже не предлагал кому-нибудь попробовать.

На посланцев императора все смотрели злобно. Какая видимость мира – никого уже не обманывали изысканные подачки внучатого племянника византийского базилевса, только раздражали. Упрямый кипрский правитель, возможно, еще на что-то надеялся, демонстрируя фальшивое гостеприимство.

– Должно быть, считает, что, когда наше положение станет совсем уже безвыходным, мы предпочтем сделать вид, что поверили, – предположил Этьен де Мони.

– Это все равно что сдаться в плен, – возразил Дик, уверенный, что его не оборвут.

– Что ты предлагаешь, Уэбо? – Турнхам говорил раздраженно, но лишь потому, что и сам не знал, что делать.

– В бухте становится опасно. – Уже не раз Дик ловил отзвуки мыслей киприотов, работающих на берегу, что вот достроят они – и можно будет захватить эту назойливую галерею и получить обещанную награду. – Я думаю, ее надо покинуть.

– О чем ты говоришь? Ты ведь знаешь, что происходит в этой части Средиземного моря? В бухте куда безопасней.

– Бухта нас не спасет. Если местный император соберется захватывать корабль, станет по-настоящему опасно.

– Да с чего ты взял, что он еще раз на это решится?

– Обратите внимание, милорд. – Дик показал на берег. Меж деревьев сустились люди в серой и коричневой одежде, тащили бревна, камни. – Смотрите, что они делают.

– И что же? – Стефан Турнхам, несколько близорукий, прищурился.

– Они разбирают прибрежные лачуги. Камни и дерево идут на возведение этого вала вдоль берега. Они срубили ивы, рядом с которыми я прятал лодку, и перегородили подходы к воде. Теперь в порту постоянно вертятся солдаты, много солдат...

– Короче!

– Они готовят лодки, вы заметили?

– Нет, не заметил. – Граф неприязненно покосился на собеседника и небрежным жестом руки отмахнулся от него.

– Я боюсь, что, когда подготовка станет заметна, будет уже поздно, – спокойно закончил Дик, не обращая внимания на недовольство вельможи. В конце концов, не зря его называют королевским телохранителем. В этом качестве он обязан подчиняться лишь его величеству и, пожалуй, еще Монтгомери. Но графа Эдмера здесь нет.

Стефан хотел разразиться серией ругательств, долженствующих поставить рыцаря Уэбо на место, но раздумал. Ему припомнилось, как точно молодой человек предсказал

нападение на галеру, как отлично держался в бою. Что ж, может статься, он способен дать какой-нибудь дельный совет, тем более что воды становится все меньше и меньше, а тут еще принцесса заявила, что желает купаться, и не в морской воде, а в пресной. Хорошо, что беседу с ней взял на себя де Мони. Командор незаметно закатил глаза. Ох уж эти женщины...

– Что ты хочешь сказать?

– Я уверен, что государь Ричард уже близко. Корабли не могло раскидать так далеко друг от друга. Думаю, император тоже это понимает. Значит, он постарается поспешить. И теперь от него следует ожидать еще одного нападения.

– Сдается мне, у тебя, Уэбо, очень острый глаз, – расхохотался Турнхам. – Вот я и поручаю тебе – следи за берегом. И если углядишь что-нибудь опасное, немедленно сообщай об этом. Ступай.

– Да, милорд.

Дик, необычайно довольный распоряжением, поклонился и ушел на корму. Он был уверен, что сумеет по чужим мыслям точно угадать момент нападения, а придумать доказательства будет не так сложно. В конце концов, – эта мысль впервые пришла ему в голову – командира можно будет убедить в чем угодно с помощью магии. Как замечательно, что никто вокруг не владеет этим дивным искусством! Что ж, пока никто не заподозрил его в магических выкрутасах, он останется совершенно безнаказанным.

Он удобно устроился на корме, которая как раз была обращена к берегу, прогнал оттуда изнывающих от безделья солдат, игравших в кости, и стал ждать Серпиану. Она всегда чувствовала, когда он оставался один, и тут же появлялась рядом, если, конечно, не была чем-нибудь занята. А чем она могла быть занята на галере? Шитьем? Ерунда. Из каюты двух королев, где собирались придворные дамы, она сбегала именно потому, что терпеть не могла долго ковыряться иголкой в ткани. Хотя Иоанна Английская, когда вспоминала о существовании, как она думала, шотландской дворянки Анны Лауэр из Стирлинга, всегда зазывала ее к себе.

– Хочешь пить? – произнесла девушка, и Дик обернулся к ней, досадуя на свою невнимательность. Он никак не мог привыкнуть к тому, что его спутница передвигается так бесшумно. – Я тебя напугала?

– Я бы не удивился, что ты ходишь тихо, если б ты была кошечкой, – сказал он.

– А ты уверен, что кошки так бесшумны, как гласит молва? – Она тихо рассмеялась. Присела рядом. – Так как, хочешь пить?

– Конечно. Разве у тебя есть спрятанная фляжка? Нехорошо...

– Фляжки нет, зато я могу угостить тебя отличным заклинанием. Скоро без этого на галере будет не продержаться. Что предполагает делать Турнхам?

– Ждать прибытия короля Ричарда.

– Допустим, английский государь прибудет через месяц. Что будем делать?

– Стоило бы задать этот вопрос командору. Я же ни на чем не могу настоять, кто я такой? Наверное, стоило бы выйти из гавани и попробовать разжиться водой на каком-нибудь другом острове. Но он и слышать не хочет. Считает, что так будет опаснее для двух королев. Может, он и прав. В окрестных водах хозяйничают и греческие, и турецкие, и магрибские пираты, и еще черт знает какие...

– Не чертыхайся.

– Да, конечно... Насколько я понял, граф уверен, что уж кого-кого, а пиратов в лимас-сольской бухте оказаться не может.

– Зато может оказаться кипрский флот.

– Ну он только один. – Дик улыбнулся ей. – Но не будем падать духом, верно? Незачем делать это раньше времени.

Теперь, если посланник императора все-таки приплывал к английскому кораблю, он выкрикивал свое послание на хорошем французском прямо из лодки, доставившей его к галере, и тут же отправлялся обратно. Через пару дней вода в бочонках иссякла, осталось лишь немного во фляжках и пара корзинок с фруктами. Английские рыцари и оруженосцы начали звереть от жары и жажды, и даже вдовья королева Иоанна, казалось, осунулась. Она держалась неприступно и холодно, но – чувствовалось сразу – жалела своих слуг и потому пила ровно столько, сколько было необходимо. И, в отличие от своей будущей невестки, умывалась морской водой.

А принцесса Наваррская сперва начала капризничать, заявляя, что не позволит так обращаться с нареченной самого короля Английского, а потом не на шутку испугалась. Она никак не предполагала, что когда-нибудь окажется под угрозой смерти, и вдруг поняла, что действительно находится в условиях боевого похода. Сперва это были высокомерные шутки на тему того, к какому убожеству приходится привыкать столь знатной, как она, даме, и все из-за язычников-мусульман, которые не желают отдавать Гроб Господень добрым христианам. А потом Стефан Турнхам столкнулся с тем, чего он боялся больше всего, – с женской истерикой.

Тем времени работы на берегу шли полным ходом. Из обломков разобранных хижин, старых кораблей и камней возводились укрепления, достаточные, чтоб помешать каким-либо судам свободно пристать к берегу, а чужим солдатам – захватить его. Дик слышал мысли моряков, эхом доносящиеся из-за мыса, и догадался, что там собирается флот – небольшой, чтоб его можно было спрятать за скалами, но даже нескольких малых кораблей хватит, чтоб захватить галеру. Особенно если ее охраняет всего двадцать человек. Двадцать три, если считать королевского телохранителя, командора Турнхама и казначея де Мони.

– Я? – изумился Этьен, когда ему предложили вооружиться и надеть доспехи. – С чего это? И не собираюсь. Война – не мое дело. Вот если подсчитать чего...

– Вы же были оруженосцем, сударь, – мрачно произнес Стефан. – И даже, кажется, получили посвящение...

– Да это когда было! Тогда я был молод и глуп. А сейчас на меня не рассчитывайте! Пусть дерутся такие, как Уэбо, ему все равно больше делать нечего.

Турнхам почти злобно покосился на молодого рыцаря, стоявшего рядом, видно, желавшего что-то сказать. Должно быть, что-то столь же приятное, как и раньше.

– Что? – рявкнул командор. – Разве ты не должен быть на корме, Уэбо, наблюдать за берегом? Что ты здесь делаешь?

– Наблюдать за берегом теперь, когда уже понятно, что и почему происходит, не так важно, – ответил Дик, ни на мгновение не теряющий присутствия духа. Гнев графа его совершенно не беспокоил. – Гораздо важнее то, что можно высмотреть вот там, – и показал рукой на мыс.

Этот мыс назывался Гата, он был довольно обрывистый, скальный, кое-где поросший низкими деревьями, кое-где во мху и потеках влаги. Здесь горный хребет делал плавный разворот и вдавался в море. А значит, за таким мысом можно было спрятать все, что угодно. Он защищал Лимассол от частых в этих краях западных ветров и от бурь, так что бухта могла считаться очень спокойным и безопасным местом... Но только не для англичан и только не теперь.

Командор в один миг осунулся и постарел. Он осознал наконец, на что намекает телохранитель короля, не зря же Турнхам свою довольно долгую по меркам того времени жизнь провел в походах. Он понял, что император решил обложить их, как дичь во время охоты. Только выход в море он не перекрыл. Совершенно правильно – какой человек в здравом уме и твердой памяти выйдет в море, если у него на борту всего несколько фляжек с водой и иссякли почти все остальные припасы? Замечательная идея – спрятать за мысом свои

корабли, когда на берегу ждут войска, которые при необходимости спустят на воду легкие гребные суденышки. И вот галера в руках Комнина. Удивительно, что он до сего момента не предпринял что-то подобное. Должно быть, желает сделать вид, что на самом деле никого не собирався захватывать, – лишь бы не дать ни малейшего повода для обвинений.

– Ты можешь поручиться, что за мысом есть корабли? Ты видел? – все-таки решил уточнить Турнхам.

– Боюсь, когда мы их увидим, может оказаться поздно, – возразил Дик. – Видите вон ту лодку, которая как раз направляется к Гате? Это не рыбацье судно.

– Мало ли что. Возможно, кто-то по каким-то своим делам...

– Видны отблески солнца на металле. Там сидят люди в доспехах, при оружии.

– Это не доказательство.

– Возможно, милорд, – согласился молодой рыцарь. – Но если бы я был Комнином, именно так я и поступил бы. Его величество вот-вот доберется до Кипра, его корабли могут показаться на горизонте в любой момент.

Стефан и сам считал так. Он задумался, потирая лицо, которое покрылось бы потом, если б не недостаток влаги в теле. Как воин, он умел терпеть, но уже теперь сильно страдал от жажды, чувствуя, каким неестественно сухим и шершавым становится язык, как трескаются губы, и даже загустевшая кровь едва сочится сквозь образовавшиеся трещины. Хвала Господу, что они в море, где воздух куда как влажен, это не спасает от жажды, но немного приободряет. Многие из солдат уже украдкой отпивали из ведерок с морской водой, которую ставили для того, чтоб ею можно было обливаться. Турнхам помнил, что этого делать нельзя, но понимал он и то, что скоро, наверное, не выдержит.

Он повернулся к де Мони, в его взгляде был вопрос. Командор и казначей прекрасно друг друга понимали, потому и Этьену не понадобились никакие разъяснения. Он просто замахал руками:

– Нет, нет, конечно, нет! Да где это видано – выходить в море без воды и припасов! Кроме того, наши гребцы просто между банок попадают после полудня гребли – без еды и питья и на таком солнце!

– Гребцам можно дать вина, – предложил Дик.

– Какое вино! Толку-то с него!

– Толк с него как раз немаленький, – отрезал Турнхам. – Боюсь, это лучший выход теперь, когда у нас на корабле почти ни капли воды. Эй, гребцам по чарке вина, быстро!

Приказы сурового графа выполнялись мгновенно, слуги забежали с большими черпаками, и вскоре из-под нижней палубы, откуда до того раздавались только жалостные стоны и вой, донеслись звуки радостного оживления. Предложенное выхлебали в мгновение ока, и гребцов можно было понять. Вино перепадало им нечасто, а такое хорошее – и вовсе никогда. Одним махом удалось хоть как-то, но утолить жестокую жажду и заодно ненадолго отключиться от тягостной реальности.

– Милорд. – Голос у Дика был спокойный, даже легкомысленный. Командор обернулся – молодой рыцарь указывал на мыс Гата. – Смотрите.

Ветер ударил в лицо; из-за обрывистого склона горы, далеко врезающейся в море, плеснули грязно-белым огромные паруса... Нет, не стоило обольщаться – маленькие бурунчики по обоим бортам были свидетельством того, что киприоты полагаются не только на ветер. Должно быть, на веслах у них сидело не меньше гребцов, чем на галере англичан. Один, два, три... Шесть кораблей. Турнхам схватил ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, машинально нашарил на поясе рукоять меча. Спихватился и завопил так, что лицо в мгновение ока налилось кровью:

– Паруса, живо! Гребцы, на весла! Скорость погони!

– Они еще довольно далеко. – Дик прищурился.

– Но им благоприятствует ветер, – заявил де Мони. – Они доберутся до нас раньше, чем мы разгонимся. Эй, ставьте паруса! Почему не ставят?

– Это ни к чему, – отозвался капитан. Все это время он старался не попадаться на глаза благородным. А поскольку благородные на галере просто кишели, то его почти никогда никто не видел. Теперь он откуда-то появился как по волшебству, в ту самую минуту, когда оказалось нужно командовать. – Ветер слишком слабый. Паруса буду не помогать, а мешать гребцам.

– Но эти-то идут на веслах и под парусами.

– Они поворачивают при помощи весел, это же видно. – Капитан презрительно посмотрел на сухопутную крысу, которая только и умеет, что мечом махать, и тут же поспешил скрыться с глаз командора, надеясь, что вызывающего взгляда тот не заметил.

– Прибавить ходу! – крикнул Турнхам.

Дик отошел на корму, на уже ставшее для него привычным место. Серпиана, будто знавшая, что дождется его именно там, уже стояла с доспехом и шлемом. Она надела свою кольчужку, правда, на платье, ограничившись лишь тем, что подоткнула юбку чуть выше, чем обычно, – до середины голеней. В этом наряде она выглядела бы потешно, если бы не строгое и замкнутое выражение лица, на котором читалась уверенность. Рыцарь помнил, что ее нельзя недооценивать, – рука, подавшая ему меч, была хоть и маленькой, но твердой. Очень твердой.

– Сколько у нас шансов уцелеть?

Он заулыбался ей в ответ. Как ни странно, он и в самом деле не испытывал никакого страха или сомнений. Нахлобучил подшлемник и пристегнул шлем, заранее предвидя, как у него будет вечером болеть голова... Он подумал, что это хорошо, если вечером еще будет чему болеть

– Надеюсь, что много, дорогая, – ответил он. – Держись подальше от схватки, если она будет, хорошо? Если повезет, в случае чего сможешь сбежать.

– С чего ты взял, что я и в самом деле стану держаться в стороне?

– С того, что, наверное, предпочтешь больше не попадать в плен.

Девушка сдвинула тонкие брови – она смотрела на жениха так, словно он, не слишком следя за тем, что говорит, случайно оскорбил ее.

– Да, одного раза с меня довольно. Но я и не собираюсь больше попадать в плен. – Она повернула пояс – на нем висел купленный Диком длинный кончар. Едва-едва улыбнулась. – Посмотрим?

Молодой рыцарь-маг оглядел ее с ног до головы.

– Где твой лук? Он будет куда как кстати.

– Под рукой. – Девушка покосилась на корабли киприотов, уже нагонявшие галеру. Из-под нижней палубы доносились звуки ударов и ругань. Оставалось лишь надеяться, что пьяным гребцам хоть какое-то время будет легче грести и терпеть удары. – Ты можешь что-нибудь сделать?

– Что-нибудь?

– Например, изменить направление ветра.

– Погодная магия? Эти друидские штучки не совсем по моей части.

– Тогда, наверное, надо попросить Трагерна.

– Да он, скорее всего, опять весь зеленый... Впрочем, ты права. Пусть-ка поработает своим новым посохом. Эй! – И он нырнул в каюту.

Трагерна пришлось вытаскивать на палубу силой – он опять хандрил, как всегда, когда ему случалось оказаться в море. Он спал днем и бодрствовал ночью – когда вокруг царила темнота, моря было не видно, не видно волн, и на него не накатывала дурнота, которая, скорее всего, являлась просто памятью о качке, а не естественным проявлением морской

болезни. Так что после очередной бессонной ночи он с трудом проснулся. Объяснять ему, что случилось, Дик не стал – он торопился наружу. Только в дверях каютки громыхнул мечом, чтоб было понятно – не шутки.

На корме он прищурился под ярким солнцем, чьи лучи превращали море в поток расплавленного металла. Только само светило больнее резало глаза. Молодой рыцарь запрокинул голову и понюхал ветер – морская соль и запах сена... Неужто на Крите уже сенокос? Да, конечно, он припомнил, наверное, уже время. Если он чувствует запах сена, значит, ветер меняет направление и дует теперь с берега. Это им на руку. Корнуоллец приподнял руку, развернул ладонь и попытался усилить бриз. Гребцов хватит ненадолго, так что паруса все-таки придется поставить. Вслушиваясь в звон небесных сфер над островом, все еще подвластным ему, Дик понял, что ветер скоро снова повернет, и добавил ему силы, заставив превратиться в постоянный поток, идущий с берега. Повороты им не нужны.

Он не был уверен, что все сделал правильно. Но капитан, ненадолго выскочивший на верхнюю палубу, закричал, чтоб ставили паруса, а гребцы готовились поднимать весла. Оживление под нижней палубой сразу стало заметно – галера резко прибавила ход. Что ж, надежда на отдых – пожалуй, куда более надежное средство убеждения, чем плети. Корабль, построенный со знанием дела, хоть и большой, но быстроходный за счет обтекаемой формы и большого количества парусов (а равно и банок, где размещались гребцы), сумел разогнаться у выхода из бухты. То, что гребцам дали вина, сыграло свою роль – обманутым хмелем телам показалось, что они сильнее, чем обычно. А на веслах не поработаешь вполсилы, здесь надо трудиться до предела и за пределом.

Корабли преследователей – боевые, меньше размером, парусов у них, кажется, было больше, так что и скорость они развивали большую. Они гнали галеру, разворачиваясь «крыльями», должно быть, собирались обхватить жертву кольцом. И хотя пока еще они были далеко, Дик понимал, что их скоро нагонят. Он взялся за меч, проверил, легко ли тот выходит из ножен. Впрочем, конечно, идея бредовая – на каждом из кипрских кораблей, наверное, не меньше четырех-пяти десятков воинов, и это против двадцати двух... двадцати трех, если считать Серпиану. Еще, конечно, можно прибавить Трагерна, но его военные таланты вызывали у корнуоллца большие сомнения.

Выбравшийся на палубу ученик друидов сперва долго протирает глаза, а потом, удивленно и укоризненно посмотрев на Дика, крикнул ему:

– Ты что, не видишь? Погоня!

– Нет, не вижу, – огрызнулся молодой рыцарь. – Что ты говоришь!

Трагерн посмотрел на него с укоризной:

– Все смеешься. Но если бы ты мне сказал, что здесь погоня, я бы раньше вылез. Я думал, не срочно.

– Хватит! Ты можешь что-нибудь сделать? Ну какие-нибудь твои фигли-мигли друидские можно применить?

– Потиху. Мы, между прочим, не одни на этом корабле, – недовольно предупредил ученик Гвальхира. – Кое-что я, конечно, могу сделать. – Он поддернул рукав.

В следующий момент паруса на кораблях, преследующих галеру, обвисли и захлопали. Они и прежде-то были не слишком туги, поскольку ветер дул порывами. Дик оглянулся – их паруса надувало все сильнее и сильнее, причем равномерно. Лишь противнику не повезло. Было видно, как забегали по палубе киприоты, по бортам немедленно высунулись весла, и гребцы налегли на них. Закипела вокруг деревянных лопастей морская вода, убеленная пеной. Моряки полезли на реи спускать парусиновые полотнища.

Молодой друид сблизил ладони и потер одну о другую. Видно было, как порыв ветра тут же вернулся, ударил, надув оставшиеся паруса... Но канаты были уже ослаблены, одну из рей повернуло, моряк, стоявший на ней, взмахнув руками, полетел в море. Корабль зава-

лился набок и по дуге «притерся» к борту соседа. Слаженное движение шести кораблей нарушилось.

– Замечательно, – потихоньку рассмеялся Дик. – Давай в том же духе.

– Извини. Не уверен, что получится еще раз. Это очень сложно – устраивать такие малые по размеру турбулентности.

– Что?

– Не обращай внимания, – сказала Серпиана, которая, шурясь, смотрела на море. – Он тебе скажет еще много непонятных слов. И я могу, хочешь?

– Если будет демонстрировать ученость, я ему тоже скажу много непонятных слов, – проворчал Дик. – Только на другую тему.

Ученик Гвальхира, углубившийся в сложную задачу, не слышал того, что ему говорил спутник. Ветер, послушный его загадочным действиям, тревожил корабли киприотов до тех пор, пока те не спустили все паруса и не сделали ставку на весла. Трагерн думал недолго. После этого он перенес свои усилия на морскую гладь. Волны то и дело пытались захлестывать гребные люки, сбивали гребцов с ритма, били в борт корабля, накрывая его, и бывалые моряки понять не могли, что это происходит с их судами и с морем, где не видно ни следа приближающейся бури. Должно быть, кое-что молодой друид смог сделать и с кормовым веслом одного из кораблей, потому что его начало сильно заносить, и, пока в спешном порядке не поменяли весло, ритм движения оказался сбит.

Но преследователи все равно нагоняли тяжелую галеру, обремененную грузом и людьми, и должны были нагнать ее в самом скором времени. Правда, теперь, когда Трагерн изо всех сил мешал этому, охват у них никак не получался, и сперва англичанам придется иметь дело с экипажем одного корабля. Но ненадолго. Впрочем, они не собирались сдаваться без боя. Все, кто умел обращаться с луками, выстроились на верхней кормовой палубе, а на нижней Серпиана, неизвестно откуда извлекшая свое оружие с узором, напоминающим мелкую чешую, неторопливо подняла его и наложила стрелу.

– Далековато, чтоб стрелять, – добродушно сказал ей пристроившийся рядом усатый англичанин с повадками охотника – их выдавала манера держать лук. Должно быть, в прошлом браконьер. На красавицу-лучницу он посмотрел с удовольствием, но и покровительственно.

Девушка-змея не обратила на него никакого внимания. Она долго целилась, подтянув тетиву лишь на половину нужного расстояния, потом вдруг с силой рванула оперение к щеке и отпустила. Киприот в доспехе и шлеме, стоявший на носу корабля-преследователя, взмахнул руками и исчез из виду.

– Ох молодец! – восхитился старый браконьер. – И лук отличный. Никак не меньше пятисот шагов берет, верно?

– Вроде того, – коротко ответила девушка, накладывая вторую стрелу.

– А я уже не решаюсь такое расстояние брать. Глаза не те. Но раньше бывало, брал. – И по его тону Дик догадался, что случилось подобное, может быть, всего-то раза два.

С другой стороны, в лесу – не в море, расстояния там и здесь оцениваются по-разному.

Но все равно Серпиана просто молодец.

Дик подтянул щит поближе. Если стрела с галеры поразила врага, то, наверное, и в него сможет попасть кто-нибудь еще, не менее искусный. Спыхватился и наложил заклинание удачи, уже привычно воспроизведя формулу по памяти. Он был уверен, что успеет почувствовать угрозу заранее. Но скоро понял, что, наверное, это будет трудно, потому что корабли уже сближались. Он покосился на Трагерна – на лбу у того выступили капли пота, но, видимо, больше ничего он сделать не мог.

– Иди надень доспех, – бросил он ему. – Ана, уходи отсюда. Если они будут затевать абордаж, то, видимо, со стороны кормы.

Девушка мельком взглянула на спутника и снова спустила тетиву. И на этот раз выстрел был очень точный, стрела пробила кольчужный воротник, и киприот, неосторожно подавшись вперед, перекувырнулся через борт в море. На галеру в ответ тоже полетели стрелы, а вскоре и дротики, большинство которых вонзилось в борт, но один – узкий, веретенообразный – настиг незадачливого бывшего браконьера. Молодой рыцарь сшиб его на палубу и прижал пальцы к шее, нащупывая жилку. Удар был слабый, достаточный, чтобы пробить кожаный доспех, но прошить насквозь – нет, нет, нет! Дик выдернул дротик и толкнул ладонью напоенный магией воздух в сторону задыхающегося от боли англичанина. Второй рукой корнуоллец водил по животу раненого, чувствуя, что под одеждой медленно затягивается рана. Он не думал о том, как опасен его поступок... Впрочем, лучник, скорей всего, даже не понял, что с ним произошло.

Бывший браконьер застонал и зашевелился. Его лицо было залито потом, зрачки, расширенные от боли, заполняли собой всю радужку, рот ловил воздух – дышать было больно. Но смерть ему больше не угрожала. Рядом с Диком опустилась на одно колено его невеста, видимо, спасаясь от стрелы или дротика.

– Кончай возиться, – прошептала она. – Пусть его оттащат!

Молодой рыцарь встряхнул ноющими кистями рук и отодвинулся. Магическая мощь наполняла его, только что истратившего изрядную часть ее на лечение смертельно раненого, и Дик понял – это преимущество, даруемое источником. Он предвидел, что, когда покинет Кипр, будет очень скучать по этому вулкану энергии, из которого можно черпать сколько угодно. Только теперь он начал чувствовать, какие огромные возможности дает источник.

Корабль все приближался, из-за фальшборта теперь можно было выглянуть, только прикрываясь щитом, и, занятый мыслями о надвигающейся схватке, Дик не слышал криков, доносящихся с носа галеры. Впрочем, будь они испуганными, отчаянными, он, конечно, обернулся бы. Но вопли были ликующими. Молодой рыцарь поднялся на ноги, прикрываясь щитом, рядом с ним встала и Серпиана со стрелой на тетиве лука. Девушка лишь на миг оглянулась – и толкнула спутника в бок.

– Посмотри, – крикнула она, рассмеявшись.

Дик обернулся – из-за дальнего мыса уже появилось несколько больших боевых кораблей, и, похоже, это было еще не все. Серо-белые паруса, плавные обводы и цветные флаги на мачтах. Молодой рыцарь присмотрелся – белые львы, стоящие на задних лапах. Он рассмеялся и сам, подбросил щит, увернулся от дротика, брошенного каким-то высоким киприотом в крупнокольчатой броне. Преследующее галеру судно уже подошло на расстояние десятка больших шагов, и воин едва успел отскочить от борта и оттащить Серпиану (сказать по правде, она и сама отскочила, приготовившись к атаке, но молодой человек, который больше всего боялся потерять ее, считал, что никакая забота не может быть излишней).

Кипрский корабль врубился в корму галеры, обламывая тонкий фальшборт, раскалывая позолоченные перильца, и на палубу посыпались чужаки – кто-то из них молодецки перепрыгнул, размахивая оружием, а кто-то повалился, как мешок, потому что удар был поистине таранным – на галере внезапно сбросили паруса, из-за чего судно резко снизило скорость. Тех, кто не удержался на ногах, закололи сразу. Дик ударил щитом первого, кто подскочил к нему, и выхватил меч. Золотая полоска по долу яростно искрилась – магический клинок ощущал приток энергии и был полон готовности внести свою лепту.

Молодой рыцарь прокрутил шипящую «мельницу» и атаковал киприота. Металл клинка рассек металл оковки щита императорского солдата, словно масло. Толстая стальная полоса лопнула, и деревянный круг, развалившись надвое, загремел по палубе, следом полетела кольчужная перчатка вместе с заключенной в ней кистью руки. Сообразить, что случилось, слуга Комнина не успел – корнуоллец сшиб ему голову и встретился со следующим врагом.

Иногда краем глаза он поглядывал налево, где рубился Трагерн. Делал он это неуклюже, но на удивление спокойно и уверенно. Чем-то его манера сражаться напоминало работу лесоруба. Меч у друида был тяжелый, движения – неторопливые и размеренные, и, казалось бы, первый же шустрый киприот должен сбить его с ног. Но не тут-то было. Почему-то щит Трагерна оказывался всегда там, где надо, тогда, когда надо, и ученик Гвальхира не отступил ни на шаг, пока не начали отступать англичане.

А чуть дальше защищалась Серпиана. Как оказалось, своим легким мечом она владела не хуже, чем луком. Правда, при всем желании кончар, даже такой отлично закаленный и заточенный, как этот, в женской руке не способен был пробить кожаный доспех и тем более кольчугу. Но доставить максимум беспокойства посчитавшим ее легкой добычей солдатам она могла. Одного уже успела хлестнуть по переносице – и киприот, наверное, распрощался со своими глазами. Отшвырнув очередного противника, Дик рванулся к ней и толкнул назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.